

Вадим Росик

Страна падонкаф

роман-драма

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Россик

Страна падонкаф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57458167

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-93517-4

Аннотация

Россия, наши дни, большой уральский город Мухачинск. В окраинном тридцать третьем микрорайоне, где живут герои романа – обычная мухачинская молодежь, – орудует маньяк. В романе беспощадно показаны страшные реалии современной российской жизни. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Книга первая. Последний звонок	9
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Вадим Россик

Страна падонкаф

Предисловие

Эта книга о детях, но она не для детей. Она для взрослых. Для взрослых, которые определяют, как жить детям. Смешно слушать, как детей упрекают в том, что они не такие, какими были взрослые. «Вот в наше время...» Ведь не дети же создали то, в чём им приходится жить! Они просто приспособиваются. Выживают. Откликаются на веление времени. И становятся гопниками, готами, панками, скинхедами, граферами, геймерами, эмо... Время такое.

Взрослые, конечно, заботятся о подрастающем поколении. Государство взрослых выделяет средства. Строит университеты, тюрьмы... Огромные светлые аудитории, небольшие чистые туалеты для одних. Большие отхожие места с рядами пожелтевших писсуаров, тесные камеры для других. Каждому своё. Это страшно.

Взрослые, устами представителей власти, говорят, что они любят всех детей. Предательство. Любят всех, но предпочитают аккуратно одетых победителей детских олимпиад. А что делать остальным? Бедным, больным, далеко живущим? Не таким успешным? Дети будут такими, какими их захотят

видеть взрослые. И не только захотят, но и создадут условия. А начинать надо с себя. С взрослых. У пьяниц, лентяев, негодяев не может быть здорового поколения. Менять надо себя. Не детей. Они все рождаются хорошими маленькими человечками.

Эта книга для взрослых. Надеюсь, что она заставит что-то изменить к лучшему. Хотя бы в чьей-то семье, в чьей-то жизни. Кому-то помочь, кого-то спасти.

Это же наши дети! Все: гопники, готы, панки, скинхеды, граферы, геймеры, эмо... И победители детских олимпиад. Хватит упускать поколение за поколением!

Ведь на самом деле мир зависит от взрослых. В том числе и мир детей. Их здоровье, образование, будущее. Их счастье, в конце концов! Может быть, взрослые, всё-таки, над этим задумаются?

И да хранит Бог наших детей! Всех.

Автор

«Другого народа у меня для вас нет».

И.В. Сталин

«Да, грубо, нецензурно, неприятно, некрасиво и дурно пахнет,

но не мы такие, жизнь такая».

Безьянный бомж

От южных морей до полярного края

Раскинулись наши леса и поля.

Одна ты на свете! Одна ты такая —

Хранимая Богом родная земля!

Гимн Российской Федерации

Музыка А. Александрова

Слова С. Михалкова

Россия:

1-е место в мире по величине национального богатства
(при любом методе расчёта, как по абсолютной величине, так
и на душу населения);

1-е место в мире по разведанным запасам природного газа
(32% мировых запасов газа);

1-е место в мире по добыче и экспорту природного газа
(35% мировой добычи газа);

1-е место в мире по добыче нефти и второе место по её
экспорту;

1-е место в мире по разведанным запасам каменного угля

(23% мировых запасов углей);

1-е место в мире по запасам торфа (47% мировых запасов торфа);

1-е место в мире по запасам лесных ресурсов (23% мировых запасов леса);

1-е место в мире по запасам поваренной соли и второе место по запасам калийной соли;

1-е место в мире по запасам питьевой воды и второе место по объёму пресной воды;

1-е место в мире по запасам минтая, крабов, осетровых в своей 200-мильной экономической зоне, и второе-третье место по запасам трески, сельдевых, мойвы, сайки, лососевых и др.;

1-е место в мире по разведанным запасам олова, цинка, титана, ниобия;

1-е место в мире по запасам и производству рудничного и рафинированного никеля;

1-е место в мире по разведанным запасам железных руд (около 28% мировых запасов);

1-е место в мире по экспорту стали и третье место по экспорту металлопроката;

1-е место в мире по производству и экспорту первичного алюминия;

1-е место в мире по экспорту азотных удобрений, второе и третье места по экспорту фосфорных и калийных удобрений;

1-е место в мире по запасам алмазов и второе место по их добыче;

1-е место в мире по физическому объёму экспорта алмазов;

1-е место в мире по разведанным запасам серебра;

1-е место в мире по протяжённости электрифицированных железных дорог;

1-е место в мире по числу ежегодных запусков космических аппаратов;

1-е место в мире по количеству проданных на экспорт истребителей;

1-е место в мире по поставкам на экспорт средств ПВО средней и малой дальности;

2-е место в мире среди стран, обладающих наибольшим количеством стрелкового оружия;

2-е место в мире по поставкам вооружения всех видов;

2-е место в мире по величине подводного флота;

2-е место в мире по разведанным запасам золота;

2-е место в мире по разведанным запасам платины и первое место по её экспорту;

3-е место в мире по размерам государственных золотовалютных резервов;

3-е место в мире по разведанным запасам меди и свинца;

3-е место в мире по разведанным запасам вольфрама и молибдена.

Книга первая. Последний звонок

«Мы все живём методом проб и ошибок».

Пролог. Воскресенье, двадцатое мая

Наташе сразу не понравился этот мужик. Похожий на на-рика со стажем, тощий, загорелый до черноты доход в компа-нии таких же, как сам, лузеров. Полуголый. Потный. С лип-ким взглядом.

Как обычно, мать послала её на городской пляж, на мо-гильник, как называли его горожане. Велела найти там и по-звать домой отца. Сталевар Анохин работал на Мухачин-ском металлургическом заводе и по выходным часто прово-дил время на берегу Мухачи с приятелями. Они валялись на горячем песке в сторонке, у самого края леса, и пили пиво с чипсами и сушёным кальмаром. Вели разговоры о бабах и политике. Удобно. Не нужно далеко бегать, когда пиво про-сится наружу.

Анохины и жили рядом, сразу за лесом, в новом четырна-дцатиэтажном корпусе на Доменной. Тридцать третий мик-рорайон. Десятки многоэтажек, школа, несколько детских сади-ков, река, а дальше цивилизация кончается. С одной стороны микрорайона огромная промзона. За ней – граница

города. Поля, перелески. Лютики, цветочки... В другую сторону, в центр Мухачинска, только пара автобусных маршрутов, трамвай и три маршрутки. Там, в центре города, торговля, развлечения, ночная жизнь... Мухачинск – Москва для бедных.

В этом году май выдался очень тёплым. Воскресенье. У реки собралось много народу. Наташа внимательно оглядела берег. Потом стала неторопливо бродить от одной кучки отдыхающих к другой, приветствуя многочисленных знакомых. Ни в одной «гудевшей» на пляже компании Наташа отца не нашла. Только полные сандалии песка начерпала. Да ещё этот нарик понёс вдруг пургу: как зовут, сколько лет, чего тут делаешь... Мужик был, как сразу определила Наташа, хорошо ужаленный. Старик. Лет тридцать, не меньше. С наколками на пальцах и шрамом от аппендицита. Как у отца.

У Наташи забурчало в животе. Нужно идти обратно. Мать сделала на ужин окрошку. Любимую Наташину еду.

Мужик со шрамом: «Пошли со мной. У меня дома котятка есть. Хочешь, покажу котят?» Гнусавые голоса друзей: «Вован, гном ушастый, ты чо? Тебе от жары башню снесло? На малолеток кидаешься...»

Наташа, не обращая внимания на липкого Вована, отошла к краю пляжа. Присела между первыми деревьями на поваленный ствол, вытряхнула из сандалий песок, и, не оглядываясь, легко побежала по тропинке домой. Через лес, как Красная Шапочка.

Понедельник, двадцать первое мая

Ухоженная не местной, дорогой столичной ухоженностью, телеведущая серьёзным, хорошо поставленным голосом информировала: «На берегу реки Мухачи в небольшой роще, расположенной между городским пляжем и тридцать третьим микрорайоном Мухачинска, в минувшее воскресенье была найдена задушенной и изнасилованной тринадцатилетняя Наташа Анохина. Следствие возбудило уголовное дело по трём статьям: «убийство малолетнего ребенка», «изнасилование» и «насильственные действия сексуального характера». Все они соединены в одно производство. Максимальное наказание предполагает вплоть до пожизненного заключения. Следователи проверяют ранее судимых на причастность к изнасилованию и убийству тринадцатилетней девочки, сообщила нашему корреспонденту инспектор отдела процессуального контроля Следственного управления Следственного комитета по Мухачинской области Елена Фёдорова».

На экране появилась инспектор Фёдорова, стройная, в отглаженной форме, и, стоя на фоне здания полиции, принялась, чуть задыхаясь, объяснять: «Брошены все силы на поиск преступника... Проверяются люди, которые ранее привлекались к уголовной ответственности... Есть круг лиц, в отношении которых проводятся исследования ДНК... У следствия есть данные о геноме преступника... Под ногтями

потерпевшей были обнаружены его биологические следы...»

Задышающуюся местную полицейшершу опять сменила лощёная московская ведущая: «Поясняя, есть ли в настоящее время задержанные по делу, Фёдорова отметила, что не располагает сведениями об этом. Также она опровергла информацию, уже появившуюся в некоторых средствах массовой информации о том, что якобы каждого человека могут зачислить в число подозреваемых и взять его кровь на анализ ДНК. Однако она отметила, что если говорить о портрете преступника, этим человеком мог быть любой, даже в форме полицейского...»

– Лена, ты не опоздаешь? – крикнула с кухни мама. – Хватит смотреть всякую хрень!

Лена вздохнула, сделала звук телевизора потише, натянула на себя красную футболку с крупной надписью «Атонидам!» и оглянулась в поисках своего сотового телефона. «Где ты, мой маленький друг...» Телефон нашёлся на стуле под спортивными штанами отчима.

Лена знала убитую Наташку. Девочки учились в одной школе. Анохина в седьмом «а», Лена в девятом «в». Они часто пересекались на переменах и школьных мероприятиях. Погибшая была самой обычной ученицей, и ничто не предвещало ей такой экстраординарный конец.

Лена проверила, остались ли в мобильнике непрочитанные смс-ки. Так и есть!

«Ленка, ты трава, скошенная на рассвете!» – прочитала

она на маленьком экране. Это Аня. Самая близкая подруга. Прислала ночью. Лене стало приятно. Ближе Ани у неё никого нет.

– Лена, твой бушмен уже под окнами пасётся, – снова подала голос мать. Девочка взглянула на часы. Почти восемь. Через пятнадцать минут начнётся математика. Действительно пора. Мандинго каждый день заходит за ней по утрам. Вот уже три месяца. Ей нравится ходить с ним в школу. Ничего, что он чёрный. Мальчик с пальмы. Здесь в тридцать третьем микрорайоне Мухачинска к нему давно привыкли.

– Ленка, шевели батонами, а то опоздаешь, в самом деле, – сказал отчим, выходя из туалета под аккомпанемент бурлящего унитаза. Он почесал волосатой, в бледно-синих татуировках рукой голый живот под майкой-алкашкой и с размаху шлёпнулся на старый продавленный диван перед телевизором. Рыгнул.

– О! У нас маньяк появился?

Лену всегда интересовало, чем дядя Коля «взял» мать. Привлекательных черт в его лице не было. У него отвратительно пахло изо рта. Худой, ниже матери. С убойным запахом огуречного лосьона, когда менял майку на дешёвый коричневый пиджак. Действительно чуть симпатичней крокодила. А может и нет. Лена не интересовалась крокодилами. У неё был Мандинго. И тайна, о которой знала только Аня.

Краситься Лена не стала. По двум причинам. Во-первых, уже не было времени. Во-вторых, Александра Павловна, ба-

ба Саша, директор школы, часто дежурила в вестибюле и, поймав покрашенную школьницу, с воплями вела её в туалет умываться. Александра Павловна преподавала у них алгебру и геометрию и значит, сегодня утром будет сторожить у входа. Лучше не рисковать.

Лена надела на спину школьный рюкзачок с прицепленными к нему фенечками, погладила кошку Зефиринку, уютно свернувшуюся в старой корзине, и выбежала за дверь. «Пока мамуля!»

Аня аккуратно складывала в свой рюкзак учебники, тетради – всё необходимое для занятий в понедельник. Мама разминала руки за фортепьяно. Бузони, Телеманн, Нейгауз... Занятия в музыкальной школе, где работала Валентина Николаевна Макидон, начинались на час позже, чем в школе, где училась дочь, и Ане каждое утро приходилось слушать одни и те же гаммы и этюды, исполняемые с нарастающей скоростью и громкостью. Каждое утро! Это бесило. Но, «не стреляйте в пианиста. Он играет, как умеет»...

На самое дно, пока мама не видит, Аня положила раковые палочки —сигареты и зажигалку. В боковой карман – пенал с косметикой. Постепенно накопила. В основном натаскала у мамы. Сегодня директриса будет с утра вести у них алгебру, поэтому девочка решила накраситься уже в школе, после первого урока. Так, всё. Сигареты и косметика. Главное не забыла. Попугайчика Аня уже покормила. Он лёгким разно-

цветным комком перьев бодро прыгал по клетке. Раньше они держали бурундучка, но младший брат Женька как-то нечаянно опустил на него диван. Болван. Аня долго плакала над жалкой лепёшкой, оставшейся от домашнего любимца, и папа, тогда ещё не уехавший по делам в Узбекистан, пообещал купить ей попугая. Так у них появился Ара. Арик.

Женька сначала пытался научить его кричать: «Помогите! Они превратили меня в попугая!», но Арик категорически отказался повторять эту чушь и брат вскоре оставил упряма в покое. Видите ли, не интересно ему стало! Женька всё клянчит у мамы щенка. Мама говорит, что ей с избытком хватает одного дедушки. Тот тоже требует заботы и ухода. Только что шерсти от него нет. Зато исписанных бумаг с каждым днём всё больше. Ещё не известно, что хуже. Евгений Алексеевич, когда оставил преподавание в университете, взялся писать книгу о своей жизни. И всё – пропала квартира. Жизнь-то долгая! Скоро восемьдесят два... Сначала дедушка заполнил своим бумажным мусором одну комнату, а теперь хочет его перенести из своей комнаты в соседнюю. Жалуется, что у него книга уже не помещается. Мама постоянно предлагает вариант с помойкой, но он даже не рассматривает его. Говорит, что пока всё нужно. Теперь дедушка совершает хитрые маневры, чтобы добиться разрешения у мамы хранить свои сокровища в гостиной. В общем, если собака всё понимает, но ничего не может сказать, то дедушка наоборот, ничего не понимает, зато слов у него...

Пора выходить. Аня всегда по утрам встречается возле дома с Ленкой Куролятиной. Ленка, идя в школу, проходит мимо них, потому что живет немного дальше по Metallургическому проспекту. Дальше от школы, зато ближе к Мухаче. Летом Ленке нужно потратить всего несколько минут, чтобы выйти на берег, на небольшой пляж, где любят отдыхать жители тридцать третьего микрорайона. Летом – это здорово!

Аня внимательно осмотрела себя в зеркало, висевшее в прихожей. Голубые «Левисы», чёрная майка «Лакост», кроссовки – настоящая, не китайская «Пума». Высокая, симпатичная девочка. Аня ещё раз поправила локоны своих длинных каштановых волос. Ленка наверно уже стоит у подъезда. «Чао-какао, люди!»

На самом деле Мандинго звали Серёжей. По свидетельству о рождении Сергеем Джалоновичем Никитиным. Но, глядя на его тёмно-коричневое лицо, нездешние очень курчавые волосы, фиолетовые белки глаз (глупо, да? белки, а фиолетовые!), большой толстогубый рот, постоянно сложенный в чуть смущенную улыбку, у самого толерантного человека не повернулся бы язык назвать его Никитиным. Мандинго он и есть Мандинго. Западноафриканский след в уральском Мухачинске.

Увидев Лену, он сверкнул белозубой улыбкой и отклеился от ободранной стены с намалеванным фанатами «Мухачинск рулит!»

– Хай!

– Привет!

Лена в ответ тоже улыбнулась пацану. Мандинго, размахивая руками, пристроился к её быстрому шагу. Мелькнул белый бинт на тёмной коже.

– Что с рукой? – спросила Лена, взглянув на спутника. Тот погладил повязку.

– Прикинь, мать попросила открыть консервы. Нож сорвался и порезал кисть.

Мандинго вздохнул и огорчённо пробурчал:

– Такой кал...

– Ну, ты жжёшь, – с сочувствием заметила Лена.

Солнце уже начинало прогревать прохладный воздух. День обещал случиться погожим. Таким погожим, что пара невзрачных облачков в голубом небе казалась совершенно неуместной. Хотелось жить и дышать полной грудью. Над всей Испанией безоблачное небо... Только со стороны металлургического завода, как обычно, тянуло какой-то дрянью. Из-за неё дышать полной грудью не стоило. Ложка дегтя...

Оба школьника одновременно заметили знакомую фигуру у подъезда. Аня помахала рукой так, словно тормозила такси.

– Привет, народ!

Лена с ходу обняла подругу и поцеловала её в щёку. Пахнет мылом. Мандинго скромно топтался в сторонке, скон-

фуженно ухмыляясь.

– Ну, что? Покурить уже не успеем? Тогда погнажи? – скорее скомандовала, чем предложила, Аня.

Погнали...

Убийца, не отрываясь, смотрел на двух девчонок спешащих в школу. Он уже давно «положил глаз» на худенькую, светловолосую девочку, почти девушку. Ему нравились её тонкие запястья, узкая, нервная спина, губы с чуть намеченной улыбкой. Скромность. Простота. Простота – это почерк гения! Убийца не зря выбрал обычную верёвку. Простота... Он представил, как эта девочка будет, задыхаясь в беспощадной петле, выть и корчиться под ним. Пускать слюни и сопли. Под его весом. Подчиняясь ему. Как та, в лесу... Возбуждение...

Перед уроком Александра Павловна кратко сообщила классу, что Наташа Анохина из седьмого «а» погибла. Если кто-то что-то знает, видел, слышал, может зайти к ней в кабинет или прямо в полицию на Металлургическом проспекте.

Директора школы не любили. Почти мужской пиджак, прямая юбка ниже колена, наробразовская шишка на затылке. Аскетизм. А муж на дорогушем «Лексусе», между прочим! Кто к ней добровольно пойдёт? Казалось, что в полицию проще. Александра Павловна умело пресекла начав-

шийся было шум и увлекла детей за собой, в непролазные дебри теории тригонометрических функций. Как гамельнский Крысолов.

На перемене девчонки собрались в женском туалете. Яблоку негде упасть. Многие достали припрятанную косметику и, толкаясь у зеркала, стали, кто умело, кто неумело, наносить на свои свежие личики помаду, тени, пудру. В углу пускали дым курящие. Запах духов мешался с ароматизированными сигаретами. Дышать было тяжело.

– Чур, я первая! А ты следи за дыркой, а то, если баба Саша зайдёт всем будет полный трындец, – отдала команду Лене Аня и, достав из пенала карандаш, начала подводить брови. Лена послушно уставилась на дверь.

– Сейчас я наведу красоту, потом ты, потом покурим, – пообещала подруга, докрашивая губы.

Аня действительно закончила быстро. Лена торопливо заняла её место у зеркала, но из-за спешки один глаз у неё вышел гораздо больше другого.

– Стрёмный лупарик получился, – оценила уровень Лениного макияжа Дашка Палашова из девятого «б». – Ржунимагу!

Дашка никогда не упускала случая, чтобы унизительно пошутить. Длинная, с маленькой мелированной головкой. Змея. Она презрительно дунула ментоловым дымом сквозь ровные зубы:

– Не умеешь – нечего с голой попой по полю скакать!

Ленкины глаза враз заплыли слезами. Выручила Аня:
– Харé киснуть. Ну, пичалька, ну, неудачка. Поправим.

Несколько минут спустя подружки в углу уже вовсю дымили тонкими сигаретами. Сегодня угощала Аня. У Лены с куревом постоянно был напряг. Дядя Коля смолил только «Беломор». И маму к нему приохотил. Ане было проще. Валентина Николаевна признавала только натуральные элитные сигареты для женщин. В период экзаменов и зачётов ей их часто дарили родители учеников. В подарок покупал и дедушка. Хотя сам не курил.

В туалете стало посвободней. Девчонки одна за другой, зажёвывая «Орбитом» табачный духан, покидали прокуренное помещение. Скоро звонок на урок.

– Куролятина! Ты чего сегодня такая задавленная? – поинтересовалась Аня.

– Думаю, – неопределенно буркнула Лена, аккуратно держа сигарету указательным и большим пальцами подальше от себя. Не хватало только прожечь одежду. Мать тогда вообще убьёт.

– О, Господи! О чём?

– Из головы Анохина не идёт, которую возле могильника убили. Я утром по ящику новости смотрела.

– И что?

– Там сказали, что у неё под ногтями следы маньяка нашли. Значит, она его поцарапала?

– Ну и? Куда ты ведёшь, не пойму?

– Мандинго сегодня с перевязанной рукой в школу пришёл, и отчим вчера вечером говорил, что его Зефиринка покарябала. Как сговорились все.

Аня насмешливо подняла одну бровь.

– Как интересно! Девачко, ты серьёзно?

Лена вздохнула.

– Сама не знаю.

Она докурила и точным движением бросила окурок в унитаз.

– Чума-а, – протянула Аня. – Когда спишь, глубоко не дыши, у вас завод рядом. Влияет.

Подружка нехотя улыбнулась.

– Вечером, как обычно, встречаемся на «Сметане»? А потом ко мне? – спросила Аня.

Лена пожала плечами. «Если отпустит мама».

«Сметаной» местный люд называл один из дворов. По преданию, в незапамятные времена здесь разбили банку со сметаной, отсюда и название. Одним краем двор выходил на опушку леса. С трёх других сторон громоздились жилые многоэтажки. Середину украшала детская площадка, окружённая проржавевшими тонкими трубами. Днём площадку заполняли мамочки со своими спиногрызами, а к вечеру их вытесняли подростки и молодёжь.

Собирались все свои, из соседних домов: Димка Шатров, Светка-Марго, Карен, Нинка Курицына, Дашка Палашова,

Серж Мандинго... Из тех, кто постарше – Витас, Артём Мостипан, Валерик... Даже дебилный мужик Лёша Лябин с пластмассовым пистолетом из двадцатого дома часто крутился рядом.

Народ рассаживался на лавочках. Если не хватало места – на ржавой ограде. Курили. Плевали. Девчонки пили коктейли, парни пиво. Нормально общались. Прикалывались. Когда Валерик приносил гитару – пели. Шансон, «Сектор газа», «Чумачечая весна»... Клёво проводили время.

Когда Лена пришла на «Сметану», Ани там ещё не было. Зато визгливый смех Дашки колот уши издалека. Палашова сидела на коленях у Витаса. Обнимала его рукой за шею. Тот шептал Дашке что-то на ухо, и она отвечала заливистыми взрывами хохота.

Витас был взрослым. Красавчик. Если бы не институт, он уже сходил бы в армию. Его отец – литовец, чем Витас очень гордился. Правда, отец давным-давно уехал на родину и сгинул там. А мать была здешней – мухачинской. Своих уральских родственников Витас называл генетической катастрофой и водился с местными нациками.

Кроме Дашки и Витаса на ограде курили Карен Мовсисян и Димка Шатров. Тоже из Ленкиного девятого «в». Неподалеку лениво пинались в ногомач ещё несколько мелких.

Увидев Лену, Палашова перестала ржать и, вся красная от смеха, с вызовом спросила:

– Есть курить, Куролятина?

А ведь Дашка отлично видела, что Лена не курит. Капитан Очевидность! Кроме того, могла занять у Карена и Димки. Она просто выёживалась перед Витасом. Тварь.

– Отстань, – буркнула Лена, устраиваясь на соседней, свободной, лавочке.

– А что так? – не отставала Дашка, усмешливо переглядываясь с Витасом. – Ну, давай поговорим о тряпках. Тоже не хочешь?

Палашова конкретно нарывалась. Лене вдруг стало страшно. По телу побежали какие-то колющие мурашки, сковывая движения. Дискомфорт. Она вообще не любила конфликты, а тем более с такими людьми, как Дашка. Палашова гуляла в центре с гопниками. И в своём классе была лидером. С ней не связывались. Опасно. Был случай, ещё в прошлом году. Палашова зацепилась языком с Васей Збродовым – одноклассником. То да сё. Вася не удержался и ляпнул: «Ты чмо, Палашова. Чмо – человек, мешающий обществу».

Дашка обиделась. Через несколько дней Васю у школы поймали какие-то пацаны и отдубасили. Гопники, в спортивных штанах с широкими лампасами и вязаных шапочках-залупках. Потом весь восьмой «б» долго таскали к бабе Саше – выясняли кто и что. Но так ничего и не выяснили. Вася потратил на лечение целую четверть, зато Дашкин авторитет в школе поднялся на небывалую высоту. Тем не менее, скорее на автомате, чем сознательно закрывая все пути к отступле-

нию, Лена ответила:

– Отвали, жирная корова.

Евгений Алексеевич сидел перед телевизором. У Макидонов был хороший телевизор – остатки былой роскоши. Зять, Илья Эдуардович, несколько лет занимался поставками среднеазиатских фруктов на мухачинские рынки. Дела шли хорошо, и они смогли купить трёхкомнатную квартиру в новом тогда тридцать третьем микрорайоне, обставить её и забрать к себе дедушку. Построили дачу на реке. Фазенду. Зять ездил на работу на мерседесе. Валентина Николаевна уже подумывала о том, чтобы навсегда оставить работу в музыкальной школе.

Шайтан дёрнул Илью связаться с Рашидом. Не человек, а злой джинн. Кидала. Рашид появился, как старик Хоттабыч. Материализовался. Он просто очаровал Илью. Сладкие узбекские фрукты по великолепно низкой цене. Нужен только аванс. Знак доверия. Илья занял. Солидные деньги у солидных людей. Однако после перевода аванса Рашид уехал в Самарканд и перестал отвечать на звонки. Ни денег, ни товара, как говорится.

Солидные люди вскоре попросили свои деньги назад. С обещанным наваром. Иначе... И семью... Илья Эдуардович продал всё, кроме квартиры, отдал долг и уехал в Узбекистан. Возвращать своё. Вот уже два года они получали только редкие письма. Жив-здоров. Свежий воздух, прозрачная

вода, изюм... Время шло. Вернуть утраченное Илья Эдуардович надежды не терял. Семья терпеливо ждала. От прежней, обеспеченной жизни, остались только немногие дорогие вещи. Вкус к ним тоже ещё окончательно не выветрился.

– От папы ничего нет? – привычно спросила Аня, раздеваясь в прихожей.

Дедушка только отрицательно мотнул головой, поглощённый происходящим на экране. Он повернулся к Ане и возмущённо сказал, тыча крючковатым пальцем в телевизор:

– Про перевод часов показывают. Опять! У депутатов хроническое воспаление ануса! Всё чего-то ёрзают и всё чего-то меняют!

Аня присела на диван рядом с бабушкой. Взяла пульт от телевизора. Переключила канал. Удачно устроившись на ТВ мужик обстоятельно рассказывал, жуя широким лицом какой-то харч: «Китай – страна древней культуры. Нет такого предмета, который бы не мог послужить еврею семьёй, а китайцу едой. С приходом весны китайский городок Дусян в провинции Чжэцзян окутывает странный, но знакомый каждому местному жителю запах – запах мочи. Это готовят популярный местный деликатес – тунцзыдань, что в переводе означает «яйцо мальчика». Казалось бы, при чём тут моча и мальчишки? Ответ прост: тунцзыдань – это куриные яйца, сваренные в моче, при этом моча должна обязательно принадлежать мальчику-девственнику, а варить яйца в ней необходимо целый день. Но как уверяют местные гур-

маны, яйца получаются очень вкусные и уходят с лотков как горячие пирожки по цене полтора юаня за штуку».

Дедушка сердито проворчал, забирая у Ани пульт:

– Ну, что тут скажешь? Чёртовы дегенераты!

Аня повторила слова широколицего:

– Китай – страна древней культуры.

Дед презрительно фыркнул:

– Она чересчур древняя. Перезрели и впали в маразм.

Толком ничего не создав.

– Создали «яйцо мальчика», – миролюбиво заметила Аня. – Твой борщ не лучше. Как он вонял вчера протухшей курицей! Может это тоже китайский рецепт?

Дедушка насупился.

– Я наверняка вычитал его в бесплатных газетёнках, которые валяются у нас в гостиной.

Из магазина пришла мама. Поняв о чём речь, она ехидно вставила, проходя с тяжёлыми пакетами на кухню:

– Вонь жуткая. Ещё и посуду запакостил. Я вчера в очередной раз рассказала ему, что такое дезодорант. Он о таком чуде и не слышал!

Евгений Алексеевич встал с дивана и с независимым видом надолго удалился в туалет. Тратить много времени на людей, не имеющих высшего образования, он считал ниже своего достоинства. На «серость», как он выражался. Аня засмеялась:

– В дедушкином мире дезодорантов нет.

Валентина Николаевна безнадежно отмахнулась:

– Да он забыл сразу, что я говорила! Вообще всё путает.

Недавно удивился, что моя школа готовит музыкантов. Он думал художников! Хотел подыскать мне тему диссертации. Успехи и неудачи импрессиониста Эдуарда Мане. Через «а». Вообще не соображает!

Лена тоскливо обвела взглядом двор. Быстро темнело. Ну, где же Аня? Неприятные иголки под кожей не проходили. Напротив, они стали гораздо длиннее и толще. Палашова, оставив Витаса, уже стояла перед Леной и, трясаясь от злости, визгливо повторяла, вводя себя в боевой транс:

– Ахтытварь! Что ты сказала, сучка?! Что ты сказала?!

Лена едва узнала свой собственный, бесстрастный голос:

– Что слышала. Шелести колготками отсюда, пока не дали.

На самом деле она хотела сказать Палашовой, что это не она. Она – маленькая и безобидная. И очень боится борзой Дашки. У Лены колит и полипы. Это неуправляемый голос-провокатор хочет затеять разборки.

Время, казалось, превратилось в бесконечный рулон туалетной бумаги. Разматываешь его, разматываешь...

Витас молча следил за происходящим. Он даже улыбался. Так, слегонца. Бесплатный цирк. Карен и Димка притихли, не решаясь вступать за Ленку против Палашовой. Даже мелкие, бросив мяч, подошли поближе. Интересно же. Боль-

шие чиксы сейчас подерутся.

– Что за ботва? Дашка, тебя что, качелями ударило?

Чёрный парень. Мандинго. Одноклассник Палашовой. Кровь прилила к щекам. Стало горячо-горячо. Лена выдохнула воздух из лёгких. Оказалось, что до этого она не дышала.

Вот уже и Карен подал голос:

– Дашка сама виновата. Не в тему выступила.

Витас тоже понял, что кина не будет и с издевкой:

– Ну, девочки. Вы же девочки...

Палашова яростно повернулась к Мандинго.

– Эта проשמандовка назвала меня жирной коровой!

– Вскрытие покажет, – сверкнул белоснежными зубами Мандинго, – кто корова. Кончай, Дашка. Марго просила тебе передать приглашение. Днюха. Мероприятие в четверг. Закуска в шесть. Всё как обычно: яга, музло, жопинг и остальные ништяки.

Подошли Артём Мостипан с Валериком. Они ещё старше Витаса. Невдалеке играл дворовый дурачок Лябин. Мама отправила вечером погулять. Он целил в народ из игрушечного пистолета и издавал звуки. Дашка поняла, что удобный момент упущен.

– Ладно, лохушка, завтра после уроков поговорим, – окинула она Лену лютым взглядом. И, не оборачиваясь, двинулась к проходу между домами. Отойдя подальше, Дашка повернулась, высунула язык и крикнула: – Куролятина в крас-

ном даёт всем несчастным!

– Палашова с подружкой безотказные шлюшки! – ответила экспромтом наконец-то появившаяся Аня.

Дашка яро погрозила кулаком и пошла дальше. Тёплый ветерок гнал за ней мусор. Ребята молча провожали её глазами. Так, стоящие на пристани, провожают отчаливший навсегда корабль. Титаник.

– Отомри! – весело скомандовала Аня, проведя ладонью перед лицом Мандинго, замороженно следившим за мелированными кудряшками, исчезающими в вечернем сумраке.

Убийца вздрогнул и отвёл глаза от мелированных кудряшек, исчезающих в вечернем сумраке. Подкравшийся поближе, Лябин упорно целил в его сторону. Дуралей «бил» уже длинными очередями. Хоть и из пластмассового пистолета. Патронов не жалел. Они у него, всё равно, никогда не кончались. Слюни так и летели.

Убийца дружески улыбнулся недоумку и поднял руки в знак того, что сдаётся. Лябин удовлетворённо гукнул и перенёс «огонь» на проходившую мимо пожилую женщину.

Лену запоздало начало трясти.

– Что у тебя за трабл с Дашкой? – спросила Аня, доставая сигареты. По вечернему времени она была одета в джинсовую безрукавку, белую рубашку с кружевами, тёмно-оливковые капри. На шее лёгкий муаровый шарфик, на ногах белые

кроссовки с красными вставками. Скромно и изящно. Лена в который раз позавидовала подруге. Врождённый вкус. И на высоких каблуках умеет ходить.

– Да она вообще какая-то запарная стала, – ответила Лена, удерживая внутри себя гадкую дрожь. – Хочет, чтобы все при ней делали бэп!

– А зыбо мы ей вставили, – встрял Мандинго.

– Давайте покурим, – предложила Аня. – Жига есть?

Зажигалку дал Мандинго. Все трое закурили.

Стало совсем темно. «Сметана» опустела. Мелкие ушли в соседний двор. Гонять мяч в коробке с баскетбольными кольцами. Спортивная Россия. Витас, Валерик и Мостипан отправились пить пиво. Карен с Димкой тоже исчезли.

– Очкуешь? – усмехнулась Аня, заметив, как трясутся Ленкины руки. Лена молча кивнула.

– Не ссы, прорвёмся! – решительно заявила Аня, обнимая подругу. – Дашка сама накосячила. Пусть теперь сама и стремится.

– Ладно, девчонки. Сколько можно это вафлить? – заметил Мандинго. – Поздно уже. Мне домой пора.

– Дай хоть накуриться, – попросила Аня, поспешно затягиваясь.

Мандинго наступил на свою сигарету каблуком и вдавил её в землю.

– Смотри, не спались. Вот мать узнает про твоё курение... Аня, докурив до фильтра, тоже бросила окурочек на землю.

– Мама, конечно, не разрешает, но у меня же методы...

Телефон! От неожиданности обе вздрогнули. Забойный ритм. Корейский попрыгунчик Сай: «Gangnam style». Лена взяла свой мобильник. Мама. Волнуется.

– Да, мамуля. Я у Ани. Конечно. Я знаю. Скоро приду.

Девочки сидят в Аниной комнате, не зажигая большого света. Только несколько свечей в разномастных подсвечниках. Бесформенные пятна шевелятся на стенах. Впечатление, что комната полна жизнью. Бестелесные сущности теней. Куклы на кровати. Кактусы на окне. Из проволочной клетки блестит глазами-бусинками Арик. Лена много раз была у Ани, но когда вот так – при свечах – всё необычно, всё незнакомо, всё как в первый раз.

Это не спальня. Храм. Памяти Жоры Согреева. Суперзвезды. Юного гения, покончившего с собой двадцать пятого мая прошлого года. Скоро год, как Жоры нет. Остались только его песни. И поклонницы. Фанатки.

Аня и Лена – фанатки. Этот храм – тайна. Здесь у Ани собраны все диски Жоры. На стенах плакаты с улыбающимся артистом. Полстола занимает фотография Жоры в траурной рамке. Это алтарь. Перед фотографией лампада и букетик сухих цветов. Бессмертники.

Лена ценит, что Аня доверила ей свою тайну. Она ни за что на свете не предаст подругу. Никогда в жизни! Она понимает Аню. Так хочется любить! Так хочется быть верной!

Нужной... А мама говорит: «Ещё маленькая!» И у подружки мама не лучше. Лене легче – у неё есть Аня. На крайняк – Мандинго. У Ани – только бумажные плакаты.

Аня включила музцентр. Жора. Любимая Анина песня. «Солнце-любовь». Нежная мелодия. Трогательный голос. Сразу слёзы в горле.

Лена, увидев, что подруга под впечатлением, придвинулась, взяла за руку. Ане внутри стало больно, страшно и одновременно хорошо. Как будто могучий великан громадной ладонью сдавил её душу. Сжал сильно. И нежно.

Слёзы солёными струйками сами собой потекли по Аниным щекам. Ленка тоже заплакала. Манящий тенор Жоры томил, звал. Так и сидели обе, и рыдали в два голоса. Как дуры.

Аня очухалась первая. Из колонок шла уже «Моя дикарка». Ане не очень нравилась эта вещь. Как-то не цепляла. Она выключила музыку. Плакать уже не хотелось. Но сидеть рядом с Ленкой было так классно.

– Вытри нос. У тебя сопля, – сипло сказала Лена.

Аня высморкалась сама и подала чистую салфетку подруге.

Все домашние в гостиной. Женька в наушниках у компьютера. Играется в бродилку или в стрелялку. Мама с бабушкой перед телевизором. Еженедельная викторина. Ведущая всегда тупит не по-детски. Зомбирует.

– У отчима скоро день рождения. Мамуля даст денежку. Поедешь завтра со мной за подарком? – спросила Лена.

– Куда?

– Где в нашем быдлограде можно купить сиреневую рубашку? На Зелёном, конечно, у китайцев.

– Значит, сразу после уроков в центр, на Зелёный базар, – согласилась Аня и добавила: – Только своего масая с собой не бери.

– И ничего он не мой, – возразила Ленка, покраснев. – Лишь бы Мандинго сам за нами не увязался.

– А почему именно сиреневую рубашку? – спросила Аня.

– Дядя Коля хочет сиреневую.

Аня замолчала. Не мигая, уставилась на огонь свечи. Она всё никак не могла признаться Ленке. Сказать о своём решении. Не находила подходящее время. Сомневалась. Уже неделя прошла, а она всё держала это в себе. Наконец, вздохнув:

– Помнишь, когда два года назад мы были на концерте, Жора говорил залу: «Я люблю вас». Понимаешь, что это значит? Он любит нас. И ждёт. Там.

Ленка непонимающе уставилась на Аню. Ждала. Та, наконец, решилась:

– В следующую пятницу я хочу уйти к нему, к Жоре.

Молчание. Потом тихое:

– Как?

Аня пожала плечами.

– Пока точно не знаю. Вернее, не определилась.

Ленка обхватила подругу за плечи. Шепнула в маленькое розовое ушко с тонким золотым колечком-серёжкой:

– Я с тобой.

Аня посмотрела Ленке прямо в глаза.

– Тебе не обязательно это делать.

Лена, опустив голову, упрямо:

– Значит, обязательно.

Потом они долго сидели молча, обнявшись. Чувствуя тепло друг друга. И, может быть, счастье. Расчувствовались. Опять слёзы. Затем вспомнили об уроках. Немного поговорили, облажали Дашку Палашову, осудили целлюлитные ляжки Нинки Курицыной. Посмеялись.

Наступило поздно. Жизнь за окном остановилась. Ленке пора домой. Девочки вышли в прихожую. Поцеловались (Споки-ноки! Чмоки-чмоки!) и Лена ушла в темень пропахшего мочой и бедностью подъезда. Она шла по тихим ночным мухачинским улицам, не замечая чужой враждебной тени, провожавшей её почти до самого дома.

Жить обеим девочкам оставалось восемьдесят один час тридцать минут.

Вторник, двадцать второе мая

Александра Павловна была обычным российским дирек-

тором школы. Не Песталоцци, конечно, но отличный организатор и великолепный хозяйственник. И, к тому же, преподаватель математики. Она всю себя отдавала возделыванию образовательной нивы. Сеяла разумное, доброе, вечное. Была отмечена.

Конечно, её кипучая деятельность имела и тёмную обратную сторону. Как-то раз, когда неизвестные злоумышленники обокрали, деликатно не потревожив спящего сторожа, школьную столовую, она не обратилась в полицию, так как не смогла бы объяснить, как в обычной школе на окраине оказались мука, мясо, рыба, сливочное масло, сахар. Да ещё в таких неумеренных количествах. Это же не закрома родины.

Зато баба Саша, как называли её ученики, шагала в ногу со временем и была открыта для всего нового. Ну, или хорошо забытого старого. Так, она однажды пригласила священника, чтобы он освятил школу. Что-то в том году школьная жизнь не задалась. Успеваемость упала. Зарплатные аппетиты у педколлектива нездорово выросли. По недосмотру случился пожар в школьной раздевалке. В полицию поступил звонок о том, что в школе заложена бомба. Балбес из шестого «а» хотел сорвать контрольную работу. У него получилось. Нужно было срочно принимать меры. Асимметричный ответ на директорские невзгоды.

Александра Павловна обратилась в верховную инстанцию. Она сходила в ближайшую церковь и поговорила с бабушкой. Просьба была только одна: святой воды не жалеть.

Отче, правда, оказался чуть моложе школьных выпускников. Но своё дело знал. Не обращая внимания на удивленных детей и педагогов, он добросовестно окропил все помещения огромной постройки. Все четыре этажа. После подключения потусторонних сил жизнь в образовательном учреждении наладилась.

В общем, ребятам очень повезло с бабой Сашей. Только они этого не понимали, и им было наплевать.

В девятом «б» заканчивался последний урок. Александра Павловна с выражением чеканила, прохаживаясь между рядами:

– Последний звонок, дорогие ребята – это традиционный праздник школьников, заканчивающих учёбу. Щекотруров, не смеши Фрязину! Последний звонок подводит черту, Щекотруров! Ставит точку в многолетнем учебном марафоне со всеми его уроками и переменами, контрольными работами и домашними, Фрязина! заданиями. Последний звонок – это большой общешкольный праздник, который адресован выпускникам, Щекотруров, я тебе последний раз говорю, учителям и родителям. Торжественная церемония включает выступления гостей, Щекотруров, я устала от тебя, директора, первой учительницы, родителей, приветствие первоклассников, напутственное слово учеников девятых и одиннадцатых классов. По традиции, Фрязина, девушки надевают белую блузку с тёмной юбкой. Юноши носят в этот день строгие костюмы. Тебя, Щекотруров, это особо касается. Внимание,

девушки! У кого есть, те могут надеть школьную форму образца советского периода с белым передником...

Даша Палашова не слушала Александру Павловну. Бабулька даёт копоты. Пусть Щекотруров с Фрязиной побесятся. Дети же! А у Даши своих забот... Вот, например, у Марго послезавтра день рождения. Надо купить подарок. Зайти поздравить. Но нужны деньги.

В спину легко ударился бумажный комок. Опять Калимуллин привлекает к себе ненужное внимание. Даша, не поворачиваясь, показала ему средний палец. Калимуллин – это не айс. У Даши есть мальчик. Она «ходит» с Лушаем. Лушай хотя и гопарь, но не из тех, кто сидит возле шараги на кортах и семки лузгает. Коронная фраза: «Что-то ты не по сезону шелестишь!»

Высунув язык от старательности, Даша принялась рисовать в тетради по алгебре хорошенькие девичьи головки, сердца, пробитые стрелами, и смешных младенцев-пупсиков.

С Лушаем интересно. С ним Даша чувствует себя взрослой. Значительной. Лушай крутит-мутит какие-то дела с серьёзными дядьками. Блатными. У него всегда есть деньги. Можно куда-нибудь пойти. В субботу Лушай собирается сводить Дашу в «Деньги на ветер» – лучший ночной клуб Мухачинска. Малолеток туда конечно не пускают, но с Лушаем пустят. Он обещал. Надо решить, что одеть в клуб.

Кстати! Нужно разобраться с Куролятиной, этой бесцветной тихоней из параллельного класса. Тоже мне «Мисс Вселенная»! За последнее время у неё выросли зубы до земли. Грубит на каждом повороте. Не забыть перетереть это дело с Луцаем. Пусть с друзьями придет в тридцать третий микрорайон.

А Витас тоже ничего. Прикольный. И Даша ему нравится. Точно. Луцай, конечно, попроще. Каждый удобный момент использует, чтобы помазать Дашу. Хочется чувствовать себя леди, а чувствуешь чужую руку в своих трусах! Даше это не нравится, но ничего не поделаешь. Мужики все такие. Кобели.

И Витас не лучше. Вчера на «Сметане» предлагал сделать ему минет за три тысячи. Шептал на ухо. Даша отвечала грудным смехом, в котором звучало обещание. Специально тренировала такой смех, когда дома никого не было. Витас прикольный. И главное – деньги нужны. Три косаря! Родители уже давно не дают на карман, им на заводе задерживают зарплату. И увольняют тех, кто отказывается работать бесплатно. Интересно, минет за деньги – это проституция или ещё нет?

Даша никогда не делала минет. Весь её сексуальный опыт сводился к обжиманиям с Луцаем. Заходить дальше было страшновато. Брать в рот эту фигню? Даша поежилась. Фу! С другой стороны... Три штуки на дороге не валяются. Если Витас не будет болтать...

«Позволю ему на перемене», – решила Даша, обводя свои самые удачные рисунки цветными фломастерами.

Мухачинск появился на карте России в конце семнадцатого века, как маленькая казачья крепость. По обоим берегам реки Мухачи лежали нетронутые сохой степи, по которым то казаки преследовали орды диких башкир, то орды диких башкир гонялись за казаками. Кто кого. Чтобы положить конец этой неопределённости на самом тогдашнем верху было принято решение построить укрепление, в котором казакам можно было бы отсидеться после очередного освободительного похода.

Укрепление построили. Башкирские тумены со временем цивилизовали: заставили ездить на скрипучих телегах, пить самогонку и лугзгать семечки. Национальный вопрос получил национальный ответ.

Царский режим Мухачинск вниманием не баловал. Надо прямо признать. За два века было создано всего одно промышленное предприятие – механическая мануфактура Кауфмана. Мануфактура находилась в сарае, насчитывала пятнадцать рабочих и выпускала плуги для окрестного селянства. Что имело огромное значение для развития сельского хозяйства края. Дождь идёт, а мы скирдуюм...

Главным занятием немногочисленных тогда мухачинцев была торговля. Здесь проходил отрезок Великого Шёлкового Пути. Правда, короткий. В центре крепости расположи-

ли рынок, названный Зелёным базаром, и торговали всякой всячиной с этого отрезка. Мухачинцам хватало.

О деятельности революционеров в дореволюционном Мухачинске достоверно ничего не известно. Конспирация...

В Гражданскую войну мухачинцы поддержали красных. Глядя на мрачный сарай Кауфмана, царизма больше не хотелось. Жизнь решили кардинально поменять. Главные улицы нарекли именами никому не известных здесь героев. Чтобы ни вашим, ни нашим. На центральной площади города поставили статую Ленина в кепке, а на привокзальной площади мужика, похожего на снежного человека в казачьей папахе. Назвали нейтрально: «Сказ об Урале». Зелёный базар решили не трогать.

Советская власть феноменально подняла промышленное значение города и самооценку жителей. Было построено несколько заводов и фабрик союзного значения. Среди них танковый завод-гигант. Самый большой в мире. Большой-пребольшой! В Мухачинск «понаехали». Так появилась рабочая аристократия. Если бы Гитлер знал о Мухачинске, он бы ещё не один раз подумал, прежде чем нарушать границу у реки. Бесноватый полагал, что напал на страну, а на самом деле он напал на мухачинский танковый завод. В итоге завод победил. После заморочки с фюрером пленные фрицы провели, наконец-то, к Мухачинску асфальтированную дорогу. Заработали «Детский мир», «Молодежная мода» и колхозные рынки в каждом районе. Зелёный базар едва дышал.

В девяностых мухачинские заводы закрылись за ненужностью, зато открылись ночные клубы, дискотеки и прочие булкотрясы. Их заполнили качки, хлынувшие из подвальных качалок, и школьницы старших классов. Работать стало негде и лень. Зато «отдыхаем хорошо!»

Жизнь ещё раз кардинально изменилась. Возникла либеральная идея – поменять местами Ленина и «Сказ об Урале». Но не прижилась. На смену красногалстучной пионерии и позитивным комсомольцам явились угрюмые гоперы, готы, панки, скинхеды, граферы, геймеры, эмо, наци и антифа. Вышли из сумрака. После этого даже тараканы попрятались. Но клопы, правда, остались. Население в это время сокращалось в основном в результате бандитских разборок и алкогольной интоксикации. Зелёный базар обрел второе дыхание и расцвёл.

И вот, наконец, наступило время тридцать третьего микрорайона. Тяжёлая форма стабильности. Все поголовно начали говорить «лб́жат» и «звб́нят», везде искать всемогущую руку госдепа, упиваться бесчисленными глупыми сериалами про умных ментов и телешоу, на которых убогие били ущербных. Называть себя националистом стало модным. Либералы превратились в унылое говно.

Мусор с улиц убирать стало некому, поэтому жители Средней Азии взвалили эту неприятную обязанность на себя. Не бесплатно, конечно. Деньги же не пахнут! Китайцы начали торговать своим ширпотребом, азербайджанцы –

фруктами, а армяне – строить всё то, что они никогда не строили у себя на родине. Кроме привычных надписей на заборах «Спартак чемпион!» стали появляться свежие: «чемодан, вокзал, Кавказ!», но пришельцы не читали по-русски и не уезжали.

Возле Зелёного базара, в здании городского музея, открыли церковь, на втором этаже которой ребята в кожаных куртках продавали мягкие уголки.

В кривых извилинах старинных городов,

Где даже ужасы полны очарованья,

По воле рока я следить весь день готов

За вами, странные, но милые созданья!¹

Убийца снова и снова повторял прилипшее к языку четверостишие. Шарль Бодлер. Вроде «Маленькие старушки» из «Цветов зла». Он вообще-то не любил стихи, но Бодлера ему часто читала мать. Затрёпанная старая книжонка. Единственная вещь, случайно оставшаяся на память об отце,

¹ Шарль Бодлер. Маленькие старушки. Стихотворение из цикла «Цветы зла» (1857). *Пер. Элиса.*

ушедшем от матери к другой женщине.

Убийца внимательно наблюдал за друзьями, спешащими в пёстрой толпе к входу на базар. Блондинка в красной футболке с дурацкой надписью «Атонидам!» вызывала в нём желание. Он ощутил знакомый уже посыл к действию. Тело напряглось. Внутри нарастала волна тёмной энергии. Усилием воли убийца загнал её в какие-то неведомые глубины своего «я». Пока он ещё мог управлять собой.

«Нет, сегодня умрёт не она», – с сожалением подумал убийца, ощупывая жадным взглядом девочку в красном. Он уже точно знал, чью жизнь оборвёт вечером. А на эту блондинку сейчас просто посмотрит.

Под ногами гнил мусор. Со всех сторон звучала музыка. Попса. Пахло шашлыками и чебуреками. Разогрело. Ласковое майское солнце благосклонно улыбалось с неба мухачинцам. Всем: добрым и злым. Весеннее тепло – обещание жаркого лета. Хотя обещать – ещё не значит жениться. Аня и Лена в одних футболках. Куртки сложили в рюкзаки. Мандинго, которому всегда было прохладно, остался в свитере. Африканская кровь на Урале грела не ахти. Он дождался девочек после уроков и напросился поехать с ними на базар. Аня всю дорогу корчила подруге многозначительные рожи.

Ребята купили семечек у входа на Зелёный и смешались с народом. Хотя до закрытия оставалось ещё часа два, но многие продавцы уже складывали свой товар. Одни ели и пи-

ли на рабочем месте, подкрепляясь после тяжкого трудового дня, другие занимали места за столиками в двух кафе, работавших на рынке, «Бишкек» и «Замануха».

– Достали уже эти черножопые, – зло заметил Мандинго, кивая на навязчивых кавказских торговцев турецкой обувью, хватающих за руки проходящих мимо покупателей. «Вай-вай, налетай, разбирай!»

– Уматные рубашки в той стороне, у китайцев – подсказала Аня.

Китайцы давно облюбовали дальнюю часть Зелёного базара. Обнесли её высокой оградой – наглухо отгородились от кавказцев. Сделали на каждую сторону вход-выход: полукруглые ворота. Чтобы никакой клаустрофобии у посетителей. Внутри заманивали стилизованные под иероглифы красные буквы: «Китайский вещевой рынок». Грязно, шумно, многолюдно, но всё есть. Как в Поднебесной. Собаки это место обходили стороной.

На Китайском рынке их окликнул знакомый. Куролятинский сосед по коммуналке. Сержант полиции Салават Баймов. Он занимал две комнаты из трёх. На стенах чеканки, на подоконниках герань. Жена – медсестра Фариды, дочь – третьеклассница Эля, сын – маленький Ромка. Обычно Салават сжигал своей энергией всё живое в радиусе десяти метров. Гиперболоид. Это трезвый. Пьяный Салават пугал жену своим пистолетом. Имеется в виду – служебным.

Сам похожий на ряженного в нашу форму китайца, тол-

стенный круглолицый Салават ел что-то ядовитое возле пустого прилавка. На ребят пахнуло. Острый корейский салат. Редька, морковь плюс инь и ян. В последнее время Мухачинск заполонили корейские салаты. Секретное оружие Ким Чен Ына. Ему бы ракеты, работающие на редьке, выпускать против империалистов. С сильным выхлопом.

Ребята поздоровались с сержантом, категорически отказались от салата и объяснили, что им нужно на Зелёном. Салават показал рукой:

– Топайте в ту сторону. В тех закутках рубашек немеряно.

Ребята задержались в первом же. Заваленный сорочками столик. Коротенькая женщина с берегов Янцзы или Хуанхэ.

– Сколько стоит? – показала рукой на сиреневую рубашку Лена.

– Глиста лублей, – улыбаясь во весь щербатый рот, ответила ей китаянка.

– А размер? Большие размеры есть?

– Есть-есть. Глиста лублей! – усиленно закивала торговка.

– А за двести можно? – вступила в торг Аня.

– Можна-можна! Глиста лублей, – согласилась китаянка.

– А рубашки в другую цену у вас бывают? – прыснул Мандинго.

– Бывают-бывают. Глиста лублей! – заверила разговорчивая продавщица.

Ну, что тут поделаешь! Лена прикинула приглянувшуюся сорочку по Мандинго. Щуплый дядя Коля был в плечах

ненамного шире. Достала кошелёк.

– Пиастров-то хватит? – озабочено спросил пацан. Как будто сможет добавить!

Не отвечая, Лена расплатилась с продавщицей. Та обмела на удачу заработанными купюрами свой товар, упаковала проданную вещь в прозрачный пакетик и с поклоном подала ребятам.

– Сипасиба!

Уже на выходе с Китайского рынка Лена почувствовала на себе чей-то взгляд. С ней так уже бывало не раз. Идёт себе, идёт, и вдруг, как сверло в спину. Упёрлось и сверлит. И непонятно, кто это так. Лена оглянулась. Сейчас-то понятно. Витас. Вон, стоит у киоска с безделушками. Чёрная водолазка, голубые джинсы. Причёсочка. Набычился.

– У, как смотрит! – Аня тоже заметила знакомое лицо. Она вообще жила с Витасом в одном подъезде. Помахала приглашающе рукой. Витас с заметной неохотой подошёл. «Привет-привет!» Не спрашивая разрешения, цепанул семок у Мандинго.

– Лёгкий шопинг? – кивнул на пакетик в руках у Лены.

– Подарок отчиму на день рождения, – обстоятельно объяснила она.

– А ты что здесь делаешь? – в свою очередь задала вопрос Аня.

– Вот, взял недорого, – Витас показал брелок для ключей в

виде чёртика, играющего на трубе. Все по очереди взвесили чёртика на ладони. Оценили. Няшный брелок. Витас сменил тему:

– Сегодня утром ту девчонку хоронили, которую в воскресенье в лесу у могильника мёртвой нашли.

– А ты откуда знаешь? – спросил Мандинго, сплевывая шелуху от семечек на асфальт.

– Она через дом от нас жила, – объяснил Витас. – Утром я слышал, как там музыка играла.

– Мы в это время в школе были, – заметила Аня.

– Интересно, кто её? Местный, с нашего района, или залётный? —спросил Витас, игриво улыбаясь проходящей мимо эффектной девушке. Соблазнитель!

Мандинго тоже с интересом посмотрел симпатюле вслед. Лена нахмурилась. И этот туда же! Куда конь с копытом, туда и рак с клешней!

Про Наташу Анохину тут же забыли. Чужая потерянная жизнь ребят не интересовала.

Витас отвалил быстро. У него в центре ещё какие-то дела. Аня и Лена, под недовольное ворчание Мандинго, наскоро прогулялись по рядам. Никакой радости ходить по рынку с мужиком! Мандинго сам весь извёлся и девочкам всё удовольствие испортил. Семечки тоже кончились. Подруги решили возвращаться домой.

На трамвайной остановке встретили ещё и Валерика. Что

совсем не удивительно. Валерик зарабатывал деньги пением под гитару на улицах и в общественном транспорте. Стриговал за налик. Среднего роста, бледненький брюнет. Длинноволосый, как девушка. Он часто появлялся на «Сметане», но ни с кем близко не сходиллся.

Валерик существовал в мире звуков. Как Моцарт. Арпеджио, тремоло, пиццикато, мелизмы... Другое его не интересовало. В прошлом году он закончил Мухачинское музыкальное училище, но работы пока не нашёл. Романтический мальчик. Ботаник. Ребята его уважали – уж очень хорошо Валерик играл и пел. Под его длинными ловкими пальцами даже дешёвая свежесрубленная гитара была способна на всё. От легчайшего пианиссимо до максимального форте. Маленькое пианино. Негромкий приятный баритон трогал за душу. Артист.

Пообщаться, правда, не случилось. Не успели подойти. Рядом с музыкантом с лязгом задёргался трамвай. До желдорвокзала. Валерик прощально улыбнулся ребятам и, осторожно придерживая инструмент, последним зашёл в переднюю дверь.

Дядя Коля перед телевизором ел корейский салат. Новости смотрел. Пятиминутку ненависти. Казалось, что смердячий дух пропитал всё на свете: выцветшие шторы на окне, штопаный палас на полу, ворох одежды, висящий на спинке кресла...

«О, шит! С ума сойти!» Лена побыстрее спрятала пакет с подарочной рубашкой в шкаф. Бросила свой рюкзачок под стол. Открыла форточку. Пусть, как следует, просквозит. Просифонит. Подошла поздороваться Зефиринка. Мамы ещё не было. Наиля Рустамовна работала уборщицей в одной конторе и приходила поздно. Мыла там полы после закрытия.

– Здорово, мать! – приветствовал Лену отчим. – Есть будешь?

Лена скорчила капризную гримасу. «Буду, но не этот желудочный фейерверк».

– На кухне в сковородке картошка. В холодильнике молоко.

На общей кухне толстая Фарида гремела посудой. Лена поздоровалась с соседкой, наложила себе полную тарелку жареной картошки, налила в кружку молока. Отнесла в комнату. Уселась за стол, который служил семье универсальным местом приложения сил: уроки, еда, хобби... Дядя Коля за этим столом лепил чётки из хлеба или мастерил нарды. Тоже из хлеба. В колонии научился. Если, конечно, не находился в состоянии глубокого алкогольного изумления. Среднем между твёрдым, жидким и газообразным. В этом состоянии отчим проводил значительную часть своей жизни. Иногда некогда было даже на работу ходить.

Дядя Коля был коренным мухачинцем. Когда-то отчим работал шахтёром, давал стране угля в объединении Муха-

чинскуголь, но за случайную пьяную драку получил срок и на полтора года был удалён из социума. Тем временем уголь превратился в бесполезное ископаемое. Шахтёров поувольняли, Мухачинскуголь закрыли. Шахтёрские бараки Мухачинска разом превратились в территорию тьмы. Депрессивный район. Зато количество пивных здесь утроилось. Бодрячком, пацанчики!

Про свой тюремный срок дядя Коля говорил образно: «Один раз – не пидорас!» и воспринимал его не тёмным пятном, а скорее мелкими тёмными брызгами на своей репутации. Так как после выхода из колонии всё равно надо было что-то хавать, он устроился грузчиком в продуктовый магазин. Поближе к жрачке. Там познакомился с одинокой Наилей Куролятиной и, не откладывая в долгий ящик, переехал из своей барачной комнаты в коммуналку на Metallургическом проспекте. Такая вот Одиссея с Илиадой.

Новости кончились. Амерский президент опять что-то там такое подписал. Конгресс с ним согласился. Всё как всегда направлено против России. Одно слово – Пиндостан! Снова упал самолет. Этот пепелац был наш, но виноваты, похоже, братья-украинцы. Ещё у нас и газ воруют! Хороши братья! Евросоюз не согласился с разумными российскими требованиями. Эта угасающая Гейропа верна себе – везде стремится ущемить нашу великую державу. Но держава противостоит. С нами бог. Цена на нефть растёт. Инфляция никнет. Мы поднимаемся с колен.

Лена не интересуется новостями. Скукота. Она смотрит только бесконечную мелодраму про воспитанниц Смольного института. Вера, надежда, любовь. Высокие отношения. Юнкера-кадеты. Барышни. Сейчас таких людей нет. Вымерли одновременно с мамонтами. Лена смотрит вместе с мамулей. Каждый вечер, если не сидит у Ани.

Аня делала домашнее задание по литературе. Она торопилась: хотелось успеть вечером на «Сметану». «Евгений Онегин». «Энциклопедия русской жизни». Причины хандры героя. В наушниках нежно ласкался Жора. «Солнце-любовь».

«Олень этот Онегин! Подумаешь, лишний человек! У нас все лишние и ничего – живём».

Дедушка ушёл в ванную комнату. В последнее время вообще крейзит. Несёт всякий бред. Про вред больших тарелок и прочее такое. Постоянно твердит, что большие тарелки опасны. Видно боится в них утонуть. Вчера чистил рыбу картофелечисткой. С помощью телефонной трубки пытался включать телевизор, но безуспешно. В санаторий его не берут. Психбольница на дому.

Аня вдруг вспомнила гадкое. Когда ей было пять лет, мама уговорила её пойти купаться в ванную с дедом. Аня не хотела идти, но мама была так настойчива: «Тебе понравится. Будешь с ним играть. Вон, Женька обожает с дедушкой купаться». Ани хватило только на то, чтобы раздеться. Когда она увидела большую сморщенную штуку у деда внизу жи-

вота, её охватил такой ужас, что она убежала к себе в комнату и долго рыдала под одеялом. Никакие мамины уговоры не могли успокоить.

Потом был Рашид. Папин друг. Педофил. Фу, мерзость! Завёз её на машине в лес и изнасиловал. Воспользовался её доверчивостью и наивностью. Двенадцать лет! Что она тогда понимала? Дурочка из переулочка. Хорошо ещё, что никто не узнал об этом. Когда Рашид уехал к себе в Самарканд, Аня, наконец, вздохнула свободно. Можно забыть. Как назло, папа отправился искать этого козла. Большие деньги на кону. Что теперь будет?

Намного лучше общаться с девочками. Никаких неприятных сюрпризов. Все на одной волне. Хотя... Девочки тоже бывают разные. Такие, как Ленка и типа Дашки Палашовой. Мозгоклюйка! Палашова-шалашова! Но всё-таки это не Рашид. С Дашкой можно и разобраться. Раз и навсегда!

Аня вздохнула. «Какая сложная штука жизнь!» Она посмотрела на фото Жоры. Улыбнулась ему. «Ничего, скоро мы будем все вместе: Жора, я и Ленка».

Отчим возился с пультом. Переключал каналы. Футбола не было. В телике пенился российский шоу-биз: Таисия Повалий, Жанна Фриске, Филипп Киркоров, Анни Лорак, Варум, Билан, Арбакайте, Меладзе... И каждый: «Я люблю вас! Подымите выше ваши руки! Мы счастливы!» Вынос мозга. То ли дело Высоцкий и Толкунова!

У Куролятиных телевизор выключали только на ночь. Это никому не мешало жить. Лишь изредка по телефону звонила соседка снизу – почти столетняя баба Маня – и визгливо любопытничала:

– Вы там ещё не сдохли?! У меня люстра качается!

Это был знак. По необходимости звук убавляли.

Лена задумалась и незаметно обьяелась. Картошка с молоком. Ей всё не давали покоя засохшие царапины на руках отчима. Зефиринка, конечно, не была ласковым и покладистым котёнком. Могла в любой момент выпустить острые когти. Тем не менее.

– Про маньяка, который Анохину убил, ничего нового не передавали? – спросила она дядю Колю. Тот бережливо заворачивал в лист «Мухачинской правды» недоеденный «привет из Пхеньяна».

– По зомбоящику – ничего.

– У неё же, вроде, под ногтями нашли чего-то? – продолжала разговор Лена.

Отчим сделал пренебрежительный жест. Потом засмеялся. Захлебнулся никотиновой мокротой. Закашлялся. Слезы, слюни... Отдышавшись и утёршись краем своей майки, ехидно сказал:

– Салават утром рассказывал, что экспертиза установила наличие следов колбасы под ногтями жертвы. Девчонка поела, а руки не помыла. Ребёнок! Мать не уследила.

– И что это значит?

– Значит, что никаких улик нет. Девчонку же не колбаса душила!

На секунду у Лены отлегло от сердца. Потом опять навалилась тяжесть. Так ещё хуже.

– А дядя Салават точно знает?

– Откуда? Он же на Зелёном дежурит. Но в их ментовских кругах болтают такое.

Дядя Коля достал папиросы, зажигалку, мундштук и, выходя, – курилы для мужчин у них были раз и навсегда определены в подъезде возле мусоропровода:

– Ты бы поостереглась пока. Поменьше ночером ходи. Неровён час...

Лена пожалала плечами:

– Я же только на «Сметане». Да у Ани дома.

Вечер густой вуалью накрыл Мухачинск. Воздух стал плотным и тяжёлым. Сумеречные краски легли мелкими мазками. Пуантилизм. Квадратные километры тридцать третьего района опустели. Начинаящаяся темнота сосредоточила людей в жилищах. Первые цветки домашних огней раскрылись на фасадах. Тепло.

Даша подошла к лифту, сжимая в кулаке выпрошенную пустяковину. За спиной, прощаясь, хлопнула дверь. Вот так. Проведена черта. Закрывшаяся дверь навсегда разделила двух человек. Один остался жить дальше, другой шагнул навстречу неизвестности. В мир, где живых нет.

Девочка нажала кнопку вызова. Слышно было, как, где-то в загадочных внутренностях громадного дома, обещающе загудело. Даша зашла в качнущуюся кабину – исчерканную, разрисованную, с сожжёнными кнопками. Пахнущую мочой. С трудом нащупала пальцем «единичку». Медленно поехала вниз.

В голове – карусель только что состоявшегося разговора. Может быть, неинтересного и неважного для кого-то, но не для неё. Ни о чём другом сейчас думать она не могла. Упёршись застывшим взглядом в нецензурные надписи на стенке, перебирала в уме сказанные и невысказанные слова.

Кабина с грохотом встала. Первый этаж. Двери юрко разбежались в стороны, предлагая ступить в неосвещённый подъезд. Из света во тьму.

Казалось, что в этой тьме, кроме Даши, никого нет. Но так только казалось. Сделав несколько осторожных шагов к выходу, она едва не оглохла от вопля живого существа. Кошка! Мягкая плоть под острым каблуком! Ещё не осознав этой реальности (фонтан адреналина!), Даша шарахнулась в сторону от лифта. К закутку пожарного выхода. Туда, где темнота была гуще.

Там во мраке кто-то улыбался. Видна была только бесформенная фигура. И самое жуткое – улыбка. Сама по себе. На высоте разбитого окна в призрачном вечернем свете. Чеширский Кот. Даша уже готова была продублировать отчаянный кошкин крик, но вдруг узнала.

– Пипец! Я же чуть не умерла от страха.

Фигура насмешливо согнула руки перед собой в нарочито грациозном придворном поклоне. Приглашение пройти. Ещё не пришедшая в себя, Даша послушно повернулась к дверям подъезда. Это была ошибка. Даша почувствовала, как шею сдавила узкая петля. Стало больно. Всё больнее. Руки сами собой разжались. Вынужденный подарок стукнулся о цемент. По ногам потекла горячая жидкость. Мочевой пузырь сдался первым. Она услышала тихий хрип. Это был её собственный предсмертный хрип, но понять этого она не успела. Успела только подумать: «Надо как-то до четверга дотянуть. Ведь в четверг у Марго день рождения»...

С заботой нежною я издали люблю

За вами следовать, как спутник ваш случайный;

Я, как родной отец, ваш каждый шаг ловлю,

Я созерцаю вас, восторг впивая тайный!²

– лихорадочно шептал убийца, содрогаясь вместе с жерт-

² Шарль Бодлер. Маленькие старушки. Стихотворение из цикла «Цветы зла» (1857). Пер. Элиса.

вой.

Конвульсии...

Украл жизнь.

В этот вечер Лену не пустили в Анин подъезд. Когда она подошла к распахнутым настежь дверям, там уже толпилась масса народа. Случайные зеваки. Жильцы. Полиэтиленовые ленты удерживали людей снаружи. Сновали полицейские в форме и в штатском. У стены стояли автомобили с вращающимися огнями. Полиция, скорая, МЧС, ещё какие-то. Работали криминалисты. Лена всё-таки смогла заглянуть внутрь. Любопытно же. Специально установленные лампы ослепительно ярко освещали площадку за дверью. На испятнанном цементном полу, недалеко от лифта лежало что-то накрытое коротким покрывалом. Видны были спутанные мелированные кудряшки.

В беспощадном свете полицейских ламп Лена увидела, как один из экспертов поднял что-то с пола и принялся бережно засовывать в прозрачный пакет. Лена напрягла глаза: брелок для ключей в виде чёртика, играющего на трубе.

Вернувшись домой, Лена позвонила Ане. Они до поздней ночи проболтали по телефону. Спать не хотелось. Происшествие в подъезде, музыка, Жора, уроки... Про знакомый брелок Лена ничего не сказала.

Жить девочкам оставалось пятьдесят семь часов тридцать

минут.

Среда, двадцать третье мая

Утро. Телевизор орёт на всю катушку. Можно. Баба Маня пока молчит, не звонит. Лена с мамой пьют чай.

«По горячим следам задержан предполагаемый убийца второй школьницы в Мухачинске. Пока у мужчины нет статуса подозреваемого, но он задержан, его допрашивают. Известно, что в день убийства у него была встреча и, возможно, конфликт с убитой девушкой, сообщили в региональном следственном управлении Следственного комитета России.

Сегодня было возбуждено уголовное дело по факту убийства девятиклассницы, тело которой обнаружено во вторник вечером в Мухачинске. Тело пятнадцатилетней девушки с признаками насильственной смерти обнаружено во вторник в подъезде одного из домов. Следователями проведён осмотр места происшествия, изъяты необходимые для проведения экспертиз вещества и предметы. Тело погибшей девушки направлено для проведения судебно-медицинских экспертиз с целью установления причин смерти, количества и характера телесных повреждений, говорится в сообщении регионального следственного управления Следственного комитета России.

В Мухачинске работает группа следователей-криминалистов во главе с заместителем руководителя следственного

управления Петром Кувалдиным...»

Мама налила себе чая в широкую кесешку. Так, на казахстанский манер, она называет свою любимую чашку с обломанной ручкой. Вторая кесешка подряд. С сушками и сухариками. И с молоком. Лена заинтересовалась:

– Кого это у нас опять убили?

Мама нервно отставила в сторону чашку.

– Лена! Ты не о ерунде разной думай, а о школе! У тебя в пятницу последний звонок!

Лена пожала плечами.

– А что о нём думать?

– Как что?! В чём ты будешь одета, например? Денег у нас сейчас нет.

Мама мотнула головой в сторону дивана, на котором завернулся в одеяло дядя Коля. Как куколка. Запах перегара с дивана доставал.

– Наш-то герой-с-дырой вчера опять нажрался. До зелёных соплей.

Лена догадалась: мама просит о женской солидарности. Она «включила дурочку»:

– Да, мамуль! Я вчера на базаре видела такие потрясные платяшки! Давай съездим туда как-нибудь вместе.

Мама сморщилась:

– Наверно, такая же порнография, как эта? Ходишь, как бабайка!

Она ткнула сухарем в Ленину любимую футболку. Пред-

ложила:

– Так и быть! Наденешь моё старое школьное платье с белым передником. Хранила столько лет для такого случая. Я подгоню его по тебе.

Ожил мобильник. Сай. Смс-ка от Ани: «Ленка, ты – лицо, содержащееся в местах приобретения знаний!» Толстый намёк на тонкое обстоятельство. Надо в школу.

Вслед за телефоном ожил отчим. Он с трудом выкрутился из одеяла и сел, тяжело дыша. Мама раздражённо обернулась к спутнику жизни.

– Привет с большого бодуна! Долго ещё будешь играть в бутылбол, алконавт?

«Лучшая защита – это нападение». Вроде какой-то знаменитый шахматист говорил. Может, даже Ботвинник. Дядя Коля обиделся:

– Будешь много выступать, уйду навсегда. К Алёне из мясного отдела. Она давно меня к себе зовёт.

Наиля пренебрежительно засмеялась:

– Да кому ты нужен, лишай конский?!

Отчим поднялся, гордо задрал нос, шатаясь, ушёл в туалет. В свой «кабинет». Подумать.

Аня ела на завтрак готовую магазинную пиццу и слушала мамины фортепианные экзерсисы. Карл Черни «Ежедневные упражнения». Опус номер триста тридцать семь. Для детских музыкальных школ.

Дедушка с утра пораньше умчался в свой университет. Собрать дань. В совете ветеранов универа ему пообещали презент: водку, рыбные консервы и, почему-то, моеющее средство. Набор оптимиста. «Непринуждённо переживём конец света!»

– В курсе, что там вчера вечером у нас в подъезде стряслось? – спросила Валентина Николаевна, не прекращая играть. Аллегро. Размер четыре четверти.

– Похоже, убили кого-то, – ответила Аня. – Я хотела выйти погулять, но меня полицейские не выпустили из дома. На первом этаже у лифта кто-то лежал.

– Убийцу, конечно, не поймали?

Валентина Николаевна сменила темп. Гнесина «Подготовительные упражнения к различным видам фортепианной техники». Раз, два, три, раз, два, три. Нога ритмично нажимает на педаль.

Аня аккуратно отрезала треугольный кусочек пиццы.

– Не знаю. Наверно, нет.

Мать бросила быстрый взгляд на дочку. Сказала многозначительно:

– Но одного человека забрали.

Аня, жуя с набитым ртом, невнятно:

– Кого же?

– Одного парня из нашего подъезда. Такого светлого, высокого, похожего на прибалта. Я из окна видела, как его уводили.

«Витас!»

– Может, ты знаешь, кого убили?

– Знаю. Соседка была понятой на опознании. Пока ты весь вечер висела на телефоне, мы с ней на кухне чаю попили. Убили девочку из вашей школы. Наверняка ты её там видела. Какая-то Даша Палашова. Ужас!

«Палашова!»

Пицца больше не лезла в горло. Витас убил Палашову! Офигеть можно!

– А за что он её?

Валентина Николаевна принялась за аккорды. Это Нейгауз «Аккорды на форте играютя более низкой кистью, аккорды на пиано – более высокой. Свобода руки от плеча до кисти при полной сосредоточенности пальцев». Велик и мудр Генрих Густавович! Хоть и немец.

Небрежно повела плечами:

– Понятия не имею. Я никогда бы на него не подумала. Вежливый такой. Всегда в двери пропустит. Интеллигентный юноша.

Пока дядя Коля отсутствовал, чаепитие закончилось. Мама унесла чашки на кухню. Мыть-сушить. Лена сложила недоеденные сухарики и сушки в хлебницу. Хлебницу Куролятины держали теперь в комнате. В кухне слишком накладно для семейного бюджета. С некоторых пор Фарида стала путать свою и чужую. А у Баимовых семья большая. Плюс

постоянные родственники из области. Тоже люди не богатые. Хлеба все едят много.

Ссориться с соседями не хотелось. Всё-таки Салават полисмент. Человек со связями. В прошлом году, зимой, с Салавата по пьяному делу сняли шапку. Чуть-чуть не успел до дома дойти. Какие-то наркоманы. Салават же мелкий, да ещё не в мундире был. А шапка хорошая – норковая формовка. Фарида дождалась, пока муж проспится, и, с матюгами, отправила его на поиски. К себе в полицию, правда, Салават не пошёл. Стыдно было перед коллегами. Поговорил с местными жуликами. На следующий день шапку ему вернули. Конечно, другую, плоскую, как блин, из крола, но всё же. Связи! Влияние. С такими людьми кухонные войны лучше не устраивать. Поэтому теперь курлятинская хлебница стояла на столе в комнате. Да оно так и удобнее.

Вернулся отчим. С пунцовыми пятнами на впалых щеках. Восстал. Заседание в «кабинете» пошло на пользу. Да и на кухне поправил здоровье. Хлопнули с Салаватом по стопарику «Хлебного дара». Соседу сегодня дежурить в ночь. Значит, утром позволено остограмниться. Закусили холодцом.

– Интересная тема, – дядя Коля пощипал языком, что-то обдумывая.

Лена, собирая свой розовый с чёрными вставками рюкзачок, посмотрела на отчима.

– Вы о чём?

– Салават говорит, эту школьницу на нашем проспекте за-

душили. Про которую сейчас в телике говорили.

Лена замерла.

– И кто это?

– Не знаю. Салават не запомнил имени.

– А кто убийца?

Отчим хихикнул.

– Какого-то пацана арестовали. Думают, что эта педовка дискотечная к нему приходила.

– Зачем ты так про бедную девочку, Николай? – вступилась за жертву зашедшая с полным тазиком Наиля. Она начала развешивать влажное бельё на верёвке, натянутой на двух крючках.

Дядя Коля легко сморщил лицо. Как пустой целлофановый пакет. На его собственном мимическом языке это означало: «Не учите меня жить. Лучше помогите материально!» Потом усмехнулся и со значением произнёс:

– Ясно, что схватили первого попавшегося. К бабке не ходи. Они бы лучше к этому придурку из двадцатого дома присмотрелись.

– А Лябин-то тут при чём? – удивилась Лена.

Дядя Коля наклонился в её сторону и обдал водочным перегаром, усугублённым запахом холодца с чесноком. Лена машинально отвернула голову. Дыхание спёрло. Ух, крепенько!

– Вот помяни моё слово – это он! И ту девку возле пляжа он завалил. Выпердыш кровавый.

– Угомонись. Как тебе не стыдно наговаривать на убогого! – возмутилась Наиля.

– Ничего себе убогий! Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Нам бы его здоровье. Всю зиму каждый день на морозе по улице шляется и ни одна зараза его не берёт! – запальчиво возразил жене дядя Коля.

– Не завидуй! – оборвала его Наиля. – Лучше скажи: ты что-то про него знаешь? Или просто так мелешь?

Дядя Коля понизил голос:

– Я его вчера вечером видел в том самом дворе, где чуть позже девчонку убили.

Наиля обидно усомнилась:

– Тебе, поди, спьяну померещилось? Что ему там делать? Он же возле «Сметаны» живет. Недалеко от нас.

– Вот именно! А вечером этот неадекват болтался в чужом дворе у школы.

Между делом дядя Коля выдернул толстую чёрную волосину из носа и принялся её внимательно разглядывать. Зефиринка вылезла из-под стола и, запрыгнув к отчиму на диван, тоже стала помогать смотреть на волос. Поощрительно погладив любопытное животное, дядя Коля добавил:

– Я трезвый был. Ещё только шёл к мужикам.

– Ну и что Лябину там было нужно? – спросила Наиля.

Дядя Коля насмешливо посмотрел на жену.

– Откуда я знаю? Я же не Гарри Поттер.

Наиля рассмеялась:

– Нашёл маньяка. Лябин! Штаны на лямках!

Отчим посерьёзnel:

– Ты, Наиля, не смотри, что он дебил с игрушечным пистолетом. У него плохая наследственность. Гены от крокодила Гены! Между прочим, его папашка мотает срок за то, что его мамашку по пьяни пырнул ножом и о голову пустую трёхлитровую банку разбил. Там целый триллер был! Весна на улице Вязов! Кошмар на Заречной улице!

Дядя Коля невзначай бросил взгляд на часы.

– Ох, ё! Ленка, беги на занятия! Твой зулус, наверно, давно уже у подъезда скучает!

Конечно, вся школа знала, что Дашку Палашову из девятого «б» зверски убили. Правда, всеобщего траура не было. Уроки шли как обычно. В конце концов, ничего сильно особенного не произошло. Вселенная форму не изменила. В Мухачинске каждую неделю погибала дюжина-другая людей. По неестественным причинам. Дети, молодёжь, старики... Город-то большой. Все привыкли.

После уроков подружки зашли к Ане. Мандинго остался в школе. Девятый «б» сегодня учится на один урок дольше. Такая вот у пацана непруха.

У Макидонов за хозяина оставался Арик. Остальные привычно отсутствовали: Валентина Николаевна учила, Женька учился, а дедушка ещё не вернулся с добычей из универа. Сладко пахло свободой.

Аня достала из холодильника крабовые палочки и майо-

нез. Хавчик. Потом принесла ложки, вилки, тарелки. Девочки устроились в Аниной комнате. Включили тихую музыку: «Солнце-любовь». В окно дерзко заглядывает солнышко. Со стен улыбается полиграфический Жора. Уютно.

– О чём задумалась, Куролятина? – спросила Аня подружку, нахмурившуюся на диване с вилкой в руке.

Лена вздохнула и сунула в рот крабовую палочку. Вяло пожевала. Щека в майонезе.

– Не понимаю, почему мы должны так жить.

– Как «так»?

– Так, как мы живём.

Аня улыбнулась:

– Ленка! Не говори загадками.

Лена неопределённо повела рукой.

– Грязно, бедно, страшно...

Аня хмыкнула:

– Ну, все же не могут жить счастливо.

– Почему?

– Наверно, потому, что на всех счастья не хватает.

Лена внимательно посмотрела на Аню.

– А почему на всех не хватает?

Аня растерянно развела руками.

– Потому, что некоторые берут себе больше других. Богатенькие буратины. Начальники. Олигархи. Ну, Куролятина, прекрати меня напрягать! Нашла тему...

Лена сказала:

– Может, стоило бы уехать? В Америку. Такая свободная страна.

Аня снова хмыкнула:

– Если Америка такая свободная страна – почему же они к себе никого не пускают? Папа как-то хотел получить американскую визу – обломался. Отказали без объяснения причин.

Лена вздохнула:

– Весь мир – границы, барьеры. Почему?

Аня серьёзно придвинулась, напомнила:

– Куда ты собралась ехать? Ты что, забыла? В пятницу мы уходим к Жоре.

Она с подозрением взгляделась в лицо подруги.

– Может, ты передумала?

Лене стало не по себе. Она смутилась:

– Ну, что ты! Нет, конечно. Вместе навсегда!

Аня с жаром повторила:

– Вместе навсегда!

Потом горячо:

– Как я тебя всё-таки люблю, Куролятина!

Лена смущённо заулыбалась:

– Я тебя тоже, Аня. Ты лучший человек в моей жизни!

Аня пылко поцеловала подружку. Прямо в след от майонеза на щеке.

Убийца тщетно пытался уснуть. Полумрак. На стене по-

тёртый коврик. «Три богатыря». Вышитый в центре коврика Илья Муромец, приложив ладонь козырьком ко лбу, пытается разглядеть нечто в телевизоре, стоящем у стены напротив. Окна завешены тяжёлыми плотными шторами. А за бархатом штор бушует день-деньской. Греет солнце. Праздник жизни. Но он с утра чувствовал себя неважно. Видимо, просквозило вчера, пока торчал в холодном подъезде. Кашель, чих, боль в горле. Голова раскалывается. ОРВИ. Острая респираторная вирусная инфекция. Он прополоскал горло эвкалиптом, что-то такое закапал в нос, принял пару таблеток аспирина и лёг в постель. Скоро на работу.

Убийца не думал о своей последней жертве. Зачем? Нет повода. Кто-то же должен был умереть. Сейчас всё нормально. Всё правильно. Желание прошло, девочка осталась во вчера. На полу за лифтом в чужом подъезде.

Сон не шёл. Убийца прислушался к домашним звукам. Их нет. Тихо. Один дома. Как Маколей Калкин. Прикольный фильм. Убийца даже чем-то похож на юного американца. Только не такой юный. Хотя и не старый.

Немного лихорадит. Может, яблоко съесть? Леня встать и идти на кухню. Он вдруг вспомнил о том, как выбирал себе оружие. Улыбнулся. Нож? Безобразные раны, кровь, даже, не дай бог, кишки, выпущенные наружу. Ни в коем случае! Он же не монстр. Тоже мне, Джек Потрошитель нашёлся!

Убийца сцепил пальцы рук, сложил указательные пистолетиком. Прицелился в Илью Муромца на коврике. Тоже

нет. Пистолет – это дорого, хлопотно, шумно. И противозаконно.

Убийца, в который уже раз, похвалил себя за отличный выбор. Верёвка. Простая бельевая. «Дёшево и сердито», как говаривал деда. Для убийцы дёшево, для жертвы сердито.

Убийца не боялся, что его найдут. Он считал себя очень умным и предусмотрительным. Неуловимым.

Лена отодвинула тарелку с крабовыми палочками. Всё, наелась. Как говорит мамуля: накидалась. Накормленный желудок слегка давил. Не давал забыть о своём существовании. На душе тоже было как-то тяжело. Аня рассказала про Дашку. Удивил Витас. Если это его арестовали. За что убил Палашову? Давеча на «Сметане» они так хорошо смотрелись вместе. Обнимались-целовались. И вдруг – убил!

Лена вообще не могла себе представить, как можно убить человека. И вообще живое существо. Например, Зефиринку. Она же дышит, общается с тобой на своём кошачьем языке, любит тебя. Тёпленькая. А тут человек. Тем более. Даже такая хабалка, как Палашова.

Лена вспомнила про будущую пятницу. А убить себя? Это как? Умереть и вообще не быть. Нигде. Лена, если честно, не очень верила в жизнь после смерти. Она вдруг поняла, что уже ничего больше не будет. Для неё. В пятницу вечером в школе для неё не будет дискотеки для выпускников. Не будет мамы, Зефиринки. Даже противного вонючего отчима

не будет. Ей стало страшно. Она не хочет никуда уходить!

А как же Аня? Лена взглянула на подругу, сосредоточенно копающуюся на полу в дисках. Аня ни за что не откажется от своего замысла. Она такая целеустремленная! И Лена останется совсем одна. Ну, на фиг!

Лена постаралась затолкать свой страх перед будущим далеко-далеко в глубь себя. Лучше об этом не думать. До пятницы ещё много времени. Жить да жить. Лучше решать проблемы по мере их поступления.

– Ты веришь, что Витас мог убить Дашку? – задала она вопрос Ане.

Та, перебирая диски, пожала плечами.

– Не знаю.

Дядя Коля ковырял в носу. Этим неэстетичным делом он занимался, как правило, в двух случаях: когда нечего делать и когда требуется подумать. Хотя первый случай подвертывался гораздо чаще, именно сейчас был второй.

Он только что закончил разгружать машину с консервами, макаронными изделиями и печеньем. Сложил продукты в полуподвале магазина. Можно перевести дух. Вот и выдалась свободная минутка. Для посидеть, покурить.

Дядя Коля устроился на приступке у служебного входа, достал папиросу, вставил её в пожелтевший мундштук. Конечно, капля никотина убивает лошадь, но мы же не лошади.

Его всё мучил вчерашний вечер. Зачем Лябин метнулся

во двор, где убили Палашову? И именно перед тем, как... С другой стороны, парень из того дома тоже не просто так в полицию заскочил. Значит, у мусоров были основания. Интересно, какие? Дяде Коле даже на секунду не приходила в голову мысль рассказать полицейским о том, что он видел. Помочь. Он же находится по другую сторону баррикады. «Сидевший». Это клеймо уже навсегда.

Горький табак выгорел весь. Папироса потухла. Пора возвращаться к работе. «Наша главная задача: молотьба и хлебосдача!» Дядя Коля выбросил из головы мысли об убитой девчонке. Эта история его не касается. Хрен с ними со всеми! Наиля обещала на ужин приготовить манты. Хорошая штука, между прочим!

Зефиринка урчала, словно маленький трактор. Громко, напористо, бесконечно. Кошка улеглась у Лены на коленях и довольно мурлыкала нутром. Доказывала делом своё благополучие. Сама Лена тоже не бездельничала. Занималась домашним заданием. Скорее по привычке, чем по необходимости. Всё равно ведь не понадобится.

Молодая преподавалка по литературе велела всем девятиклассникам подготовить стихотворное обращение. Будут дарить на последнем звонке остающимся мелким. Лена добросовестно просматривала учебники и сборники поэзии в поисках подходящих строк. Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Ахматова... За спиной тихо бормо-

тал телевизор. Что-то про спортивные достижения. Лена на всякий случай уменьшила звук до минимума. Неугомонный не дремлет враг! Баба Маня сохранила к своему неумолимо надвигающемуся столетию безупречный слух.

Лена отложила книги в сторону. Позвонить Ане, что ли? Она уже соскучилась по подруге. Перед расставанием девочки договорились снова встретиться вечером на «Сметане».

В квартире Лена была одна. Мамуля и отчим на работе. Соседи тоже куда-то уехали всей толпой. Только Зефиринка скрашивает одиночество. Лена обратила внимание: её кофточку, висящую на кресле, всё ещё украшает чёрно-оранжевая ленточка. Так называемая «георгиевская». Прикольная ленточка. Её Лене подарили в салоне сотовой связи, куда она зашла заплатить. Дело было в начале мая. Накануне какого-то праздника. Лена не знает, что потом отмечали. Главное – школа не работала. Она носила ленточку, пока та не испачкалась. Залапала жирными руками. Потом в город пришло тепло. Лена бросила кофточку на спинку кресла и больше не надевала. У Куролятиных одежда вообще была разбросана повсюду – на складной ширме, стоявшей в углу, на обшарпанном кресле, напоминавшем шезлонг, на стульях. Постиранное бельё висело на верёвках пересекающих комнату по диагонали. Хлопало неосторожных обитателей коммуналки по головам. Трусики, маечки, колготки, лифчики...

Лена решила не звонить. Осталось мало денег на сотике. Скоро подруги и так увидятся. Лена привсталала с места, по-

тянулась за яблоком. Поточить. Вдруг ледяные клещи страха сдавили ей сердце.

Ужас. Паника. Не вдохнуть, не выдохнуть. Лена застыла на месте, не в силах шевельнуться. Телевизор. Зомбоящик. В его неразборчивом бормотании Лена внезапно услышала знакомые интонации. Она невольно прислушалась. Палашова! Это её голос. Неразборчивый, угрожающий, нагоняющий жути. Струйки холода по телу. Так не бывает! Лена не раздумывая, с трудом преодолевая свой ступор, бросилась к двери. Как была – в коротком домашнем платице. Зефиринка пушистым нечто шарахнулась под стол. Мрачный голос с того света безостановочно бубнил в спину. Слов было не разобрать, но сам тон не позволял сомневаться – берегись, это смерть!

Минуя лифт, Лена, топоча по бесконечным лестницам, выскочила во двор. Это с восьмого этажа! Охвативший её страх гнал всё дальше. Наваждение. Морок. В смятении она пересекла двор и вбежала в распахнутые ворота соседней стройки. Безлюдье и заброшенность стройплощадки не остановили её. Найти бы место, где можно укрыться, зажать руками уши, чтобы больше не слышать злобного бормотания и отсидеться. Вернуться к самой себе. Пустая десятиэтажная коробка предлагала много таких мест.

Лена, задыхаясь, начала быстро подниматься по лестничному маршу без перил. Вокруг только бетон, цемент, кир-

пич. Все оттенки серого. Сырость. Запах строительных смесей, песка, гудрона. Первый этаж, второй... Ещё выше...

Дыхалка не позволила окончательно сойти с ума. После третьего этажа в боку закололо. Лена остановилась, бессильно оперлась о стену. В груди и висках стучало. Недостаток воздуха заставил прийти в себя. Хотя бы частично. Чуть отдышавшись, Лена продолжила подъём по лестнице. Уже медленно, по инерции, отдуваясь.

Неожиданно обнаружилось, что лестничная клетка в недостроенном здании довольно оживлённое место. Навстречу Лене легко, чуть боком, спускался какой-то мужчина. В белой рубашке, тёмных брюках – она не успела особо много запомнить. Он ловко протиснулся мимо неё на тесной череде ступеней. Некрашенная шероховатая стена с одной стороны, бездонная щель между пролётами с другой.

На миг их глаза встретились. Лена увидела: в его очень чёрных зрачках мелькнула какая-то мысль, но мужчина уже исчез внизу. Лена остановилась на четвёртом этаже. Устала. Ресурс кончился. Да и глупо идти дальше. Лучше подождать, когда незнакомец покинет стройку и спуститься самой.

Однако нет. Лена услышала, как площадкой ниже, мужчина резко затормозил, потоптался в нерешительности на месте и вдруг начал подниматься обратно. Она, опять похолодев от ужаса, стараясь ступать бесшумно, бросилась в одну из квартир четвёртого этажа.

– Эй, стой! – прохрипел низкий голос.

Лена, не отвечая, забилась в каморку, предназначенную в будущем стать туалетом. Она прижалась спиной к ледяной стене и замерла. Пыль, паутина... Слышно было, как незнакомец пробежал мимо, тяжело дыша. Слава богу, не заметил.

Ноги стали ватными и отказались подчиняться. Всё тело было облито липким горячим потом. Нос и горло забиты цементной пылью. Да ещё сквозняк дул, как в аэродинамической трубе. А она вся мокрая. Хотелось реветь и к маме.

Мужик оказался настойчивым и педантичным. Теперь он, не торопясь, спускался с этажа на этаж, тщательно осматривая каждый закоулок. Ну, что ему надо?! Лена хотела двинуться, убежать из этого проклятого дома, но ноги не держали. Жалкие предатели. Она продолжала стоять в этом сумрачном закутке, со страхом слушая приближение чужих шагов.

Дедушка вернулся из универа злой, как демон из бездны. Обещанный подарочный набор он не получил. Пустили по бороде! Что-то не срослось. Кого-то не было на месте. Завтра нужно ехать снова. Вот так и гоняют у нас стариков. Морально и физически насилуют. А у них, у каждого первого, остеохондроз и аллопеция. Проще говоря, все больные и лысые. Теперь дедушка в гостинной по телефону морит. Его речи можно озаглавить: «пурга над Диксоном». Гонит. Оттачивает мозг с друзьями-пенсионерами. Хотя он его уже за-

точил дальше некуда. Прямо режет. Голыми руками лучше не хватать.

Аня вздохнула. Родные сегодня как сговорились. Стрессуют оба. И мама добавила свою лепту. Пристала к Ане: что она оденет на выпускной? Не скажешь ведь, что никакого выпускного не будет. Только Арик важно ходит по клетке в хорошем настроении. Наклевался корма и гуляет бродвейским шагом. Простенькое попугайское счастье.

Аня уже придумала, каким способом умереть. Быстро и надёжно. Не требуется никакого оборудования и далеко ходить не нужно. Но Ленке постарается не говорить. До последнего. Чтобы не пугать. Она же такая трусиха!

Начинались сумерки. На «Сметане» почти никого не было. Пара девчонок-близняшек лет десяти качалась на качелях, да Витас один задумчиво курил на лавочке. Похудевший, с тенями под глазами. Заторченный.

Лена села рядом с парнем. Витас молча ей кивнул и протянул сигарету. Лена закурила. Посмотрела в сторону стройки. Вздрогнула вспомнив. Мужик в белой рубашке не нашел её тогда. Видимо, к четвёртому этажу он потерял надежду и проверял квартиры уже не так внимательно. По крайней мере, будущий туалет, в котором она съёжилась, он пропустил. Ушёл. Потом Лена три нескончаемых часа гуляла в своем дворе, ожидая с работы дядю Колю. Она не могла себя заставить вернуться домой. Хотя и убеждала себя, что злобный

голос мёртвой Дашки ей просто почудился. Нервы. Плод воображения.

– Я слышала, тебя в мусарню забирали? – спросила Лена. Витас опять кивнул. Потом глянул на неё.

– Кто-то из наших сдал меня, – произнёс он тихо. – Сказал мусорам, что Дашка была у меня.

– А у кого она была на самом деле?

Витас скривился:

– Откуда я-то знаю? Я с Дашкой только здесь на «Сметане» общался.

Лена с удивлением посмотрела на него. Витас отвёл глаза. Врёт!

– Рядом с мёртвой Дашкой лежал брелок, который ты вчера купил на Зелёном! Чёртик с трубой! Его у тебя и Аня видела, и Мандинго.

Витас отбросил сигарету и закрыл лицо руками. Потом простонал:

– Ну не убивал я её! Что вы все ко мне пристали.

– А откуда тогда у неё твой брелок?

Витас с отчаянием посмотрел на Лену.

– Ты хуже следователя. Вцепилась...

Он достал трясущимися руками новую сигарету. Зажёг. Лена молча ждала. Не сводила глаз с бледного Витаса. Тот немного успокоился. Было заметно – на что-то решился.

– В общем, в тот вечер Дашка ко мне приходила.

Витас упорно смотрел на горящий кончик сигареты.

– Зачем?

Он тяжело вздохнул, потом усмехнулся:

– Я уговаривал её сделать мне минет. За три куска. Вроде уломал. Она сначала согласилась. Позвонила и мы договорились встретиться. У меня дома, когда родителей не будет. Они во вторник в гости собирались.

Лена покраснела, но продолжала спрашивать:

– И что, она заработала эти три тысячи?

Витас покачал головой.

– Неа.

– А что?

– Передумала. Наверно. Во всяком случае, отказалась наотрез.

– А брелок?

Витас бросил окурочек себе под ноги. Сплюнул.

– А брелок... Брелок я ей просто подарил. Этот чёртик ей так понравился...

Он замолчал. Лена тоже больше не хотела говорить. Потом пришло в голову:

– А кто мог знать, что Дашка будет в это время у тебя?

Витас задумался.

– Артём знал. Мостипан. Мы с ним собирались погулять, а я и сказал ему, что не смогу. Мол, Палашова звонила – зайдёт.

Лена непроизвольно сжала кулаки.

– Что, нахвастал?

– Кончайте курить пластмассу! Куролятина, айда ко мне! – весело воскликнула незаметно подошедшая Аня.

Лена поднялась...

Жить подругам оставалось тридцать три часа тридцать минут.

Четверг, двадцать четвёртое мая

Аня уже почти совсем заснула под ровное бухтение Бориса Мансуровича. Биология. Самый конец учебника. Тема не корная. Основы рационального природопользования. Последний урок в году. Бессмысленный и беспощадный. Анин организм противопоставил биологии всё, чем располагал. Глаза упорно отказывались видеть. Хоть спички вставляй. Голова умоляла прилечь на руки, без пользы лежащие на парте. Мозг, как самый умный, просто отключился. Да и честно сказать, бодриться на уроке важного повода не было. Значения половины произносимых слов Аня всё равно не понимала. Как и остальные школьники. Куролятина рядом смотрела остановившимся взглядом на облупленный скелет гомо эректуса в углу класса. Тоже зависла.

...«для разумного управления биосферой и перехода на уровень ноосферы необходимо не только знать устройство

и принцип работы этой огромной и сложной системы, но и уметь влиять на происходящие в ней процессы в желаемом направлении...»

В бедро настойчиво затыкался сотик. Аня перед уроком на всякий случай отключила звуковой сигнал, оставив лишь вибро. Вытащила телефон из кармана джинсов. Кто? Мама.

Аня подняла руку. Туалет в школе для того и придуман, чтобы служить причиной. Продолжая монотонно гундеть, Борис Мансурович кивнул. Согласие получено. Девятый «в» остался бороться с зевотой. Зяв!

...«разработка совершенного экологического законодательства и создание эффективных механизмов его реализации – неременный элемент построения общества, живущего в гармонии с природой...»

В гулком коридоре, как и положено во время урока, было пусто. Аня не стала тратить на путь до «Ж». Школьный туалет – это не только место, но и время. Она лишь отошла подальше от дверей своего класса, чтобы спокойно перезвонить матери. Недослушав её сбивчивую речь, Аня оставила свой рюкзачок на Куролятину и бросилась домой.

Здоровенная овчарка дёрнулась, было, с места, но лаять не стала. Потянулась носом. Обнюхала Анину руку. Рука была горячая и сухая. Собачий нос – холодный и мокрый. Сопливый. Кинолог, или как он там у них называется, потянул за поводок своего лохматого друга назад.

– Фу, Тигр, нельзя!

Тигр вильнул хвостом и снова улёгся у ног хозяина.

Мама с усатым полицаем пили чай в кухне. От нечего делать. Ждали дознавателя. Замок на входной двери был сло-ман, поэтому её только прикрыли. Из кухни вход в квартиру был не виден, не охранялся, но мама положила на внуши-тельную собаку и сотрудника полиции.

Волнуясь и переживая всё заново, она рассказала Ане, что, вернувшись из магазина, обнаружила вскрытую дверь. Валентина Николаевна сразу догадалась: квартира подверг-лась... Она осторожно вошла. К счастью, внутри никого не было, хотя некоторый беспорядок присутствовал. Мама по-звонила в полицию и дочери. Дедушка мобильник вообще не носит. Как он говорит: «Я ещё не готов». Ещё! В восемь-десят два года! Психология Кощея Бессмертного. Полиция приехала через сорок минут – трое серьёзных мужчин в бро-нежилетах, при автоматах. С Тигром. Они осмотрели квар-тиру и двое уехали обратно, оставив на пока собаководу с овчаркой и пообещав прислать дознавателя.

– Не понос, так золотуха, – сказала расстроенная мама. –

Чая налить?

– Что-нибудь украли? – спросила Аня, садясь за стол.

– Да что у нас брать-то? Твои диски? Даже в холодильнике – мышь повесилась, – горько заметила мать.

– Это вам повезло, – авторитетно сказал полицейский, шумно прихлебывая чай. – Наверно этих жуликов что-то

спугнуло. Просто не успели.

Пока они разговаривали, Тигр спокойно лежал у стола, лишь изредка хлопая хвостом по полу.

Зашёл дознаватель – молодая женщина в форме и с кожаной папкой. Представилась: «Марина Наумовна». Тигр равнодушно посмотрел на коллегу и отвернулся.

Марина Наумовна вместе с мамой прошла по квартире. Осмотрелась. Усатый, тем временем, позвал соседей. «Да не вопрос, поможем!» Понятые. Дознаватель на кухне заполнила необходимые бумаги, дала всем расписаться. Пока суд да дело, из школы прибежала Куролятина. Принесла Анин рюкзачок. Ленка противно гнусавила. Умудрилась где-то простыть.

Потом все разошлись кто куда. Марина Наумовна и усатый полицейский с Тигром – в управление, соседи – домой. Наконец-то все утомонились. Мама и девочки уселись в кухне. Снова поставили чайник на плиту.

И тут мимо кухни к выходу быстро прошёл незнакомый мужчина в белой рубашке и тёмных брюках.

Вернее не совсем незнакомый. Лена сразу узнала мужика со стройки. Просто не успела об этом сказать. Аня среагировала первой. С криком: «Стой, твою мать!», она исчезла за дверью.

Когда Лена с Валентиной Николаевной оказались во дворе, Аня уже по пятам преследовала белую рубашку. Дистан-

ция уменьшалась. Мужик нёсся со всех ног к проходу между домами. Только ягодицы бешено сокращались. Пульсировали. Редкие прохожие удивленно оборачивались на необычную пару. Нашли, где бегать! Спринтеры, блин. Валентина Николаевна схватилась за сердце.

– Анька, остановись! Если догонишь – он тебя убьёт!

Отчаянный мамин крик разом отрезвил Аню. Мелькнула мысль: «В самом-то деле! Зачем я бегу?» Она остановилась, согнувшись, упёрлась руками в колени. Нужно перевести дух. Незнакомец завернул за угол многоэтажки. Всё. Финита.

Всей компанией вернулись в квартиру. Удручённо. Опять вызвали полицию. Снова Марина Наумовна: «Здравствуйте, потерпевшие!» Осмотр, опрос, пояснения. Канитель с протоколом.

Оказалось, взломщик был застигнут Валентиной Николаевной врасплох. Он спрятался под кровать в Аниной спальне и пролежал там полдня. Его не заметила ни хозяйка, ни полиция, ни даже Тигр. Когда он решил, что пришло время «собирать камни», то покинул нагретый кусок пола. В общем, устроил похихотать.

После второго ухода дознавателя Валентина Николаевна принялась наводить порядок на месте преступления. Аня настроилась вымыть пол в своей комнате. А Лена пошла домой.

Светило солнышко. Над Мухачинском стояла желтоватая нехорошая дымка. В воздухе пованивало. Смог из металло-

химических соединений. С ковалентной неполярной связью. В общем, погожий майский день.

Проходя мимо двадцатого дома, Лена заметила Лёшу Лябина. Недоумок сидел на скамейке возле своего подъезда и, задрав рубашку, давил прыщи на впалом животе. Асексуальное зрелище. Стену дома над ним оскверняли большие жёлтые буквы, нанесённые при помощи баллончика с краской: «Лёха – лох!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.